

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ

СЪ

СТАРООБРЯДЦАМИ.

Е. Голубинскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1896.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствит. Члена Е. Е. Голубинскаго.

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1896 г.

Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами ¹⁾.

О несправедливомъ мнѣніи дониконовскихъ Русскихъ, будто повреждена была чистота православія у позднѣйшихъ Грековъ, и о причинѣ этого мнѣнія—неправильномъ усвоеніи помянутыми Русскими обрядамъ и обычаямъ церковнымъ значенія догматовъ вѣры, что въ совокупности было причиной возникновенія у насъ раскола старообрядства.

Расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что патр. Никонъ предпринялъ исправленіе нашихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ и текста нашихъ богослужбныхъ книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы въ отношеніи къ обрядамъ и обычаямъ и къ тексту богослужбныхъ книгъ привести насъ въ согласіе съ современными ему—патріарху Греками, съ которыми относительно обрядовъ и обычаевъ и текста богослужбныхъ книгъ была у насъ дотолѣ нѣкоторая рознь. Эта нѣкоторая рознь между нами и Греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и въ текстѣ богослужбныхъ книгъ началась съ того, что, устанавливая у себя единообразіе въ обычаяхъ церковныхъ, которые первоначально были не единообразны, мы случайнымъ образомъ приняли въ общее единообразное употребленіе не тѣ формы ихъ, которыя были приняты въ общее единообразное употребленіе у Грековъ (сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія двоеперстное, тогда какъ у Грековъ принято было троеперстное; двоеніе пѣсни аллилуія, тогда какъ у Грековъ принято было троеніе: см. статью „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, напечатанную въ 1-мъ № „Богословскаго Вѣстника“ за 1892-й годъ). Подобная случайность не означала ничего иного, кромѣ того, что у Грековъ принята была въ общее единообразное употребленіе одна православная форма обычаевъ, а у насъ другая православная форма, и намъ, какъ заимствовавшимъ вѣру съ

¹⁾ Настоящая статья принадлежитъ къ ряду статей, напечатанныхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ издаваемомъ при Московской Духовной Академіи „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (1892-го года книжки 1—5).

обрядами и обычаями отъ Грековъ, оставалось сдѣлать только поправку, т.-е. отказавшись отъ своего единообразія, принять ихъ греческое единообразіе. Но у насъ дѣло было понято совсѣмъ иначе. При отсутствіи просвѣщенія предки наши въ своемъ богословствованіи вдалились въ ту крайность, чтобы приравнять обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры и чтобы придать имъ тѣже значеніе и важность, которыя принадлежатъ послѣднимъ. Но какъ всякій догматъ, выражая собою какую нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина одна и неизмѣняема: такъ и о формѣ обрядовъ и обычаевъ, приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры, предки наши должны были начать думать, будто правильною и православною формою всякаго обряда и обычая можетъ быть только одна форма, а никакъ не нѣсколько (см. статью: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, указанную сейчасъ выше). Дѣйствительно, такъ и начали думать наши предки и, видя у себя и у Грековъ разныя формы нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, они поняли это такъ, что которыми-то изъ двоихъ обряды содержатся въ правильной и православной, идущей отъ древности, формѣ, а у которыхъ-то изъ двоихъ форма ихъ (обрядовъ) представляетъ еретическое и погрѣшительное нововведеніе, и само собою разумѣется, что вводителемъ еретическихъ и погрѣшительныхъ нововведеній или новшествъ они признали не самихъ себя, а Грековъ. Такимъ образомъ, предки наши начали думать о позднѣйшихъ Грекахъ, будто Греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ сего было то, что когда начали у насъ печатать богослужебныя книги и чрезъ печатаніе вводить въ нихъ единообразіе, а также и изготовлять при семъ возможно удовлетворительныя ихъ редакціи: то не обратились къ Грекамъ, чтобы дѣлать дѣло вмѣстѣ и въ полномъ согласіи съ ними, но дѣлали дѣло совершенно независимо отъ нихъ и совершенно самостоятельно. А поэтому и въ книгахъ, какъ и въ обычаяхъ, мы до нѣкоторой степени разрознились съ ними. Патр. Никонъ созналъ и призналъ несправедливость мнѣнія Русскихъ о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и ввели у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, почему и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и обычаевъ, равно какъ и богослужебныхъ книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы привести насъ относительно обрядовъ и обычаевъ, равно какъ и богослужебныхъ книгъ, въ согласіе съ современными ему—патріарху Греками. Но тогда какъ большинствомъ Русскихъ, отказавшимся въ

слѣдъ за патріархомъ отъ прежняго взгляда на позднѣйшихъ Грековъ, принято было его исправленіе: нашлось нѣкоторое количество отдѣльныхъ людей, которые остались при прежнемъ взглядѣ и которые и протестовали противъ его—Никонова исправленія, чтобы образовать расколъ старообрядства.

Такимъ образомъ, расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что предки наши приравняли обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры и что это приравненіе дало имъ [указаннымъ выше образомъ] основаніе думать о позднѣйшихъ Грекахъ, будто Греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества. Изъ сказаннаго слѣдовало бы, что въ полемикѣ съ старообрядцами надлежитъ доказывать несправедливость приравненія обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры и что вмѣстѣ съ этимъ будетъ доказана и несправедливость мнѣнія о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ. Но на самомъ дѣлѣ должно доказывать большее. Дониконовскіе предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ, на томъ основаніи, что увидѣли у нихъ рознь съ собою въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Но, составивъ себѣ убѣжденіе, они не стали доказывать его, какъ выводъ изъ сейчасъ указаннаго, а наоборотъ, выдавая его за убѣжденіе самостоятельное, они на основаніи его начали утверждать, будто разности Грековъ съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ суть еретическія и погрѣшительныя новшества. Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами надлежитъ доказывать: во-первыхъ, что дониконовскіе предки наши несправедливо утверждали о позднѣйшихъ Грекахъ, какъ несправедливо въ слѣдъ за ними утверждаютъ старообрядцы, будто Греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества; во-вторыхъ, что дониконовскими предками нашими неосновательно приравнивались, какъ послѣ нихъ неосновательно приравниваются старообрядцами, обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры. А такъ какъ и разность между нашими дониконовскими и греческими богослужебными книгами предки наши объясняли, а старообрядцы теперь объясняютъ, тѣмъ же отступленіемъ позднѣйшихъ Грековъ отъ чистоты православія древнихъ Грековъ, то, третьихъ, должно быть дано объясненіе относительно происхожденія и дѣйствительнаго значенія сей послѣдней разности. Все это мы и сдѣлаемъ въ настоящей нашей статьѣ.

I.

Утверждая о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, дониконовскіе предки наши говорили, а теперь старообрядцы говорятъ, будто чистоту православія позднѣйшихъ Грековъ повредили — главнымъ образомъ латиняне, а отчасти и поработители ихъ Турки. Что касается до того, какъ отъ латинянъ могли позднѣйшіе Греки заразиться ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами: то говорилось и говорится: во-первыхъ, что Греки соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; во-вторыхъ, будто послѣ взятія Константинополя Турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержащія учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ видѣ и раздавали Грекамъ; втретихъ, что Греки не имѣли возможности печатать у себя дома богослужебныхъ книгъ и что-де книги эти были печатаемы для нихъ неисправно и съ злонамѣренными поврежденіями въ Венеціи типографщиками еретическими, и наконецъ, вчетвертыхъ, что дидакалы или учителя ихъ ходили учиться въ западную Европу и тамъ-де на Западѣ заражались латинскими ересями.

На Флорентійскомъ соборѣ Греки дѣйствительно соединились съ латинянами, принявъ ихъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокахъ и о чистилищѣ и признавъ надъ собою верховную власть папы. Но соединеніе, исключая отдѣльныхъ весьма немногихъ людей, было не дѣйствительнымъ или искреннимъ, а лишь наружнымъ или притворнымъ, и, продолжавшись весьма короткое время, не только ни малѣйше не повредило православія у Грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ немъ.

Изложимъ, какъ было дѣло¹⁾. Имперіи Византійской суждено было погибнуть отъ меча Турокъ, которые, начавъ ея завоеваніе въ концѣ XIII вѣка, къ концу слѣдующаго XIV вѣка довели послѣднее до того, что имперія начала ограничиваться лишь самымъ Константинополемъ съ весьма ничтожной его окрестностью, небольшимъ побережьемъ Чернаго моря и небольшими владѣніями въ Фессаліи и Пелопоннесѣ²⁾.

¹⁾ На русскомъ языкѣ есть „Исторія Флорентійскаго собора“, напечатанная въ Москвѣ, въ 1847-мъ году, и представляющая собою одну изъ магистерскихъ диссертаций, писанныхъ въ Московской Духовной Академіи.

²⁾ Въ минуту смерти императора Юанна V, Палеолога, въ 1391-мъ году имперія Византійская состояла: изъ самаго Константинополя съ ничтожною его

Безсильные бороться съ Турками сами собой, императоры Византійскіе, естественно, должны были обратиться къ мысли о томъ, чтобы искать себѣ помощи противъ нихъ у государей западныхъ. Но помощь государей западныхъ можно было получить схизматическимъ императорамъ (каковыми были въ глазахъ западныхъ людей Византійскіе императоры) только съ соизволенія на сіе и только при содѣйствіи сему со стороны папъ. А такъ какъ соизволеніе и содѣйствіе папъ можно было приобрѣсти только посредствомъ церковнаго союза съ ними или уніи: то императоры и должны были хлопотать о сей уніи, къ которой, до появленія на сценѣ ихъ несчастной исторіи Турокъ, они уже прибѣгали для огражденія себя отъ самихъ латинянъ (Лионская унія 1274-го года, о которой скажемъ ниже). Очень долгое время тянулись у императоровъ переговоры съ папами относительно уніи, не приводившіе ни къ чему¹⁾; наконецъ, послѣ довольно продолжительной остановки бывъ возобновлены въ 1415-мъ году, они

окрестностью, которая заключалась внутри Анастасіевой великой стѣны, шедшей отъ Селимврии или Силиврии на Мраморномъ морѣ до Деркоса близъ Чернаго моря; изъ побережья Чернаго моря отъ Деркоса до Месембрии; изъ небольшого владѣнія въ Фессаліи съ главнымъ къ нему городомъ Фессалоникой и изъ небольшого владѣнія въ южномъ Пелопоннесѣ съ главнымъ городомъ Спартой. Сынъ и преемникъ Юанна императоръ Мануилъ не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1425-мъ году, имѣлъ, по справедливому замѣчанію современнаго историка (и государственнаго чловека) Георгія Франтцы, — *Chronic. lib. I, p. 40* (въ Патрол. *Миня* т. 156, col. 736), великое неблагоразуміе раздѣлить эти жалкіе остатки имперіи между шестью своими сыновьями на особія владѣнія или деспотіи (удѣлы), такъ что послѣ сего самая имперія начала ограничиваться однимъ Константинополемъ съ прилежащей къ нему, указанной выше, крохотной мѣстностью. Дальнѣйшія территоріальныя перемѣны до паденія имперіи и до подпаденія власти Турокъ всѣхъ греческихъ владѣній состояли въ томъ, что Фессалоника продана была Венеціанцамъ еще при жизни Мануила (въ 1423-мъ году) и что деспотъ Пелопоннесскій Константинъ, съ 1449-го года послѣдній императоръ, овладѣлъ было всѣмъ Пелопоннесомъ (подъ латинскими владѣтелями) и даже нѣкоторыми частями Аттики и Беотіи. — Султанъ Турецкій Мурадъ I, занимавшій престолъ съ 1359-го по 1389-й годъ, завоевавъ всю европейскую часть имперіи за исключеніемъ того, что указано, уже въ 1366-мъ году перенесъ свою столицу изъ азіатской Врусы въ европейскій Адрианополь.

¹⁾ Пока опасность отъ Турокъ не была слишкомъ настоятельною, императоры вели переговоры съ папами объ уніи не столько для дѣйствительнаго устроенія послѣдней, сколько для самыхъ переговоровъ, чтобы устрашать ими Турокъ, которые очень опасались помощи Грекамъ со стороны западныхъ народовъ.

привели къ тому, что по соглашенію между императоромъ Іоанномъ VII, Палеологомъ, и папою Евгеніемъ IV для заключенія уніи устроенъ былъ соборъ въ Италіи, который открытъ былъ въ городѣ Феррарѣ 9-го Апрѣля 1438-го года и который, бывъ перенесенъ изъ Феррары во Флоренцію въ Январѣ—Февралѣ 1439-го года, окончилъ свои засѣданія въ этомъ послѣднемъ городѣ 6-го Іюля 1439-го года, именно—соборъ Ферраро-Флорентійскій или просто Флорентійскій, о которомъ у насъ рѣчь. Греческіе епископы, въ числѣ 22-хъ и съ патриархомъ Константинопольскимъ Іосифомъ во главѣ, отправились на соборъ вовсе не съ предрѣшеннымъ намѣреніемъ измѣнить православію и признать латинскія новшества и заблужденія, а съ твердою надеждою, что имъ удастся убѣдить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій для возвращенія къ истинѣ православія, и если бы они предвидѣли то, что дѣйствительно случилось и что они сами сдѣлали, такъ несомнѣнно, что они вовсе не поѣхали бы на соборъ. Продолжительныя, веденныя на соборѣ въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, пренія между Греками и латинянами о главныхъ пунктахъ разногласія между ними: объ исхожденіи Св. Духа, о хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистилищѣ и о главенствѣ папы, не привели ни къ чему: латинянамъ, конечно, не удалось убѣдить Грековъ признать ихъ новшества и заблужденія, но и Грекамъ вовсе не удалось заставить латинянъ отказаться отъ ихъ новшествъ и заблужденій. Послѣ того, какъ пренія окончились ничѣмъ, папа объявилъ Грекамъ (въ концѣ Марта 1439-го года), что или пусть принимаютъ они ученіе Римской церкви или же пусть отправляются къ себѣ домой,—подразумѣвается: безъ надежды получить помощь противъ Турокъ его—папы и западныхъ государей. Уѣхать домой безъ надежды получить помощь противъ Турокъ было для императора Константинопольскаго ужасно, ибо его положеніе въ виду этихъ послѣднихъ было тогда уже истинно отчаянное: и императоръ, не уѣзжая изъ Флоренціи, рѣшился во что бы то ни стало заключить унію съ папою. Сначала онъ пытался было достигнуть соглашенія посредствомъ уступокъ легкихъ, которыя бы не очень тяготили его совѣсть, какъ защитника православія, и которыя бы навлекали на него не очень сильныя укоры за измѣну православію. Когда папа остался непреклоненъ и требовалъ всего, императоръ, жертвуя неприкосновенностью православія спасенію отечества, рѣшился и на все. Между епископами нашлись двое, которые объявили себя за соединеніе съ папой: это были—Исидоръ, митрополитъ Русскій, который водился, по всей вѣроятности, тѣмъ же побужденіемъ, что и императоръ, т. е. желаніемъ спасти погибавшее

отечество, и Виссаріонъ, митрополитъ Никейскій, водившійся, какъ можно думать, личной суетностію и личными расчетами. Къ двоимъ епископамъ присоединился въ качествѣ единомысленника духовникъ императора, іеромонахъ-протосинкеллъ, Григорій Мамма. Наконецъ, троимъ удалось привлечь на свою сторону еще четвертаго—Дорооея, митрополита Митиленскаго. Противъ четверыхъ сейчасъ названныхъ объявили себя за сохраненіе православія, чего бы то ни стоило и къ чему бы то ни повело, всѣ остальные члены собора, числомъ до 28-ми (кромѣ епископовъ разумѣются сановники патриаршіе и настоятели монастырей). Но императору съ его помощниками, между которыми главнымъ былъ нашъ Русскій митрополитъ Исидоръ, пользовавшійся очень большимъ авторитетомъ въ средѣ членовъ собора, удалось постепенно, посредствомъ убѣжденія и принужденія, а отчасти, можетъ быть, и посредствомъ подкупа, достигнуть того, чтобы всѣ члены собора, хотя наружно и неискренно, признали унію съ папою на требуемыхъ послѣднимъ условіяхъ¹⁾. 5-го Іюля 1439-го года Греки подписали актъ уніи съ папою, въ которомъ признавали: латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; дѣйствительность совершенія таинства евхаристіи на опрѣсновахъ; латинское ученіе о чистилищѣ и главенство папы въ церкви.

Итакъ, Греки дѣйствительно соединились съ латинянами на Флорентійскомъ соборѣ; но соединеніе это, какъ мы сказали, было не искреннее, а только притворное или наружное и, продолжавшись весьма недолгое время, не только не повредило православія у Грековъ, а напротивъ еще болѣе укрѣпило ихъ въ привязанности къ нему.

Одинъ изъ сановниковъ патриарха Константинопольскаго, присутствовавшій на соборѣ и написавшій его исторію, свидѣтельствуетъ, что большинство членовъ собора подписалось подъ актомъ уніи съ стenanіемъ и плачемъ въ глубинѣ сердца (*ἐν μυσταῖς καρδίας στένοντες καὶ δακρύοντες οἱ πλείους ὑπεγράφομεν*²⁾). На другой день по-

¹⁾ Главнымъ средствомъ преклоненія членовъ собора, какъ объ этомъ даетъ знать Сиропулъ, о которомъ сейчасъ ниже, было представленіе имъ, что унія будетъ только наружною, а что между тѣмъ иначе невозможно спасеніе отечества.

²⁾ Великій епископъ и диеофилаксъ Сильвестръ Сиропулъ (неправильно называемый Сгуропулломъ). Написанная имъ исторія Флорентійскаго собора издана въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ въ 1660-мъ году Англичаниномъ Робертомъ Крейтономъ (Creighton) подъ заглавіемъ: *Verg*

слѣ подписанія акта уніи, 6-го Іюля, совершенно было торжественное обнародованіе его во Флорентійскомъ соборномъ храмѣ, послѣ чего папа служилъ въ храмѣ торжественную литургію. Но ни одинъ греческій епископъ, не смотря на желаніе папы, не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ латинянами и никто изъ Грековъ не приобщался опрѣснковъ¹⁾. Когда греческіе епископы на возвратномъ пути изъ Флоренціи прибыли въ Венецію, то дожъ Венеціанскій изъявилъ желаніе видѣть чинъ греческаго богослуженія. Императоръ, удовлетворяя желаніе дожа, только послѣ многихъ просьбъ могъ принудить старшаго между епископами митрополита Ираклійскаго совершить литургію въ соборѣ св. Марка. Митрополитъ согласился, но служилъ литургію на греческомъ антиминосѣ и съ греческими церковными сосудами; папскаго имени не было на ней упомянуто и символъ вѣры читанъ былъ безъ прибавленія²⁾. Когда епископы возвратились съ собора въ Константинополь (1-го Февраля 1440-го года): то первымъ вопросомъ къ нимъ жителей столицы послѣ того какъ они, сошедъ съ галеръ, ступили на берегъ, было: „чѣмъ кончился соборъ, одержали ли мы верхъ“ (какъ того надѣялись всѣ Греки, а равно и всѣ епископы, ѣздившіе на соборъ)? Митрополитъ Ираклійскій и за нимъ всѣ прочіе отвѣчали: „Мы продали нашу вѣру, промѣняли благочестіе на нечестіе и, предавъ чистую жертву, сдѣлались азимитами: да отсѣчется рука, подписавшая, да исторгнется языкъ, изрекшій исповѣданіе!“³⁾.

Такъ епископы и прочіе духовные, ѣздившіе на Флорентійскій соборъ, засвидѣтельствовали, что ими дано было согласіе на унію не искреннимъ, а только притворнымъ образомъ и такъ скоро большинство ихъ отказалось отъ этой уніи! Императоръ Іоаннъ Палеологъ не отказывался отъ уніи, видя въ ней единственную надежду спасенія для имперіи, до самой своей смерти, которая послѣдовала 31-го Октября 1448-го года: на мѣсто патріарха Іосифа, умершаго во Флоренціи 10-го Іюня 1439-го года, былъ избранъ имъ въ патріархи, 4-го Мая 1440-го года, изъявившій согласіе признавать унію Митро-

historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive Concilii Florentini exactissima narratio. Приведенныя слова у Сиропула—sect. X, cap. VIII, p. 292.

¹⁾ См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 175.

²⁾ Сиропула, sect. XI, cap. IV, p. 318.

³⁾ См. у современнаго историка Дуки,—Hist. Bysant. cap. XXXI (въ Патрол. Мина t. 157, col. 1013: 'Ο 'Ιρακλείας 'Αυτώνιος καὶ οἱ πάντες ἀπεκρίνοντο).

фанъ, митрополитъ Кизическій, а на мѣсто Митрофана, умершаго 1-го Августа 1443-го года, помянутый нами выше іеромонахъ-протосивкелль Григорій Мамма. Но императоръ содержалъ унію,—несомнѣнно притворнымъ образомъ¹⁾, лишь съ своими патріархами, съ нѣсколькими епископами, которыхъ могли поставить послѣдніе, и съ немногими изъ своихъ приближенныхъ; что же касается до большинства духовенства и до народа, то ни одно, ни другой вовсе не хотѣли знать уніи. Когда епископы возвратились съ собора домой, то духовенство Константинопольское не соглашалось служить даже съ тѣми изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своемъ согласіи на соединеніе, представляли въ свое оправданіе, что были увлечены къ тому неволею²⁾. А съ какою величайшею враждою встрѣтилъ унію народъ, объ этомъ мы можемъ заключить по той величайшей враждѣ, съ которою встрѣтилъ онъ ея возобновленіе спустя 12-ть лѣтъ и о чемъ ниже. Патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій, узнавъ о принятіи епископами, ѣздившими на соборъ, уніи съ папою и о томъ, что возведенный императоромъ на Константинопольскую патріаршую кафедру приверженецъ уніи Митрофанъ ставитъ въ епископы своихъ единомысленниковъ, въ началѣ 1443-го года собрались на соборъ въ Іерусалимѣ и на соборѣ произнесли свое осужденіе на унію и объявили всѣхъ митрополитовъ, епископовъ и прочихъ духовныхъ, поставленныхъ отъ Митрофана по единомыслию съ нимъ въ ереси, лишенными своихъ церковныхъ степеней и всякаго права священнодѣйствовать³⁾. Въ такомъ положеніи находилась унія въ Константинополѣ, что во все правленіе импер. Іоанна она даже не была формальнымъ образомъ обнародована въ немъ; преемникъ папы Евгенія IV Николай V писалъ преемнику импер. Іоанна Константину отъ Октября 1451-го года: *Esse jam tot annos transiere, ex quo ista facta sunt*,—заключена унія, *et tamen apud Graecos unionis hujusmodi decretum silentio tegitur*⁴⁾. Что въ Константинополѣ унія съ папой была содержима только императоромъ и патріархомъ съ весьма немногими, это хорошо было извѣстно и у насъ въ Москвѣ. Св. митрополитъ Іона писалъ Кіевскому князю Александру Владимиро-

¹⁾ Какъ ясно даетъ знать это Сиропула—sect. X, cap. VI, p. 288 нач.

²⁾ Сиропула, sect. XII, cap. I; см. также въ Туркогrecіи Крузія гражданской исторіи п. 10', p. 4.

³⁾ См. русскую Исторію Флорентійскаго собора, стр. 190.

⁴⁾ Посланіе папы Николая въ латинскомъ подлинникѣ съ греческимъ переводомъ въ 160-мъ томѣ греческой серіи Патрологіи Мина, col. 1208—1209.

вичу: „Самъ, сыну, вѣси, чтоже Божіею милостію и благодатію опрично зборныя церкви святыхъ Софѣи и цареви палаты въ Цариградѣ ни въ монастырѣхъ, ни въ единой ни въ которой Божьей церкви, во всемъ Цариградѣ и во всей Святѣй горѣ, нигдѣже не поминается имя папино, а держать вси милостію Божьею ту добрую старину, еже по Божью повелѣнію отъ святыхъ апостолъ и отъ богоносныхъ отецъ, по священнымъ правиломъ и по всему божественному писанію, намъ преданную“¹⁾).

О преемникѣ Иоанна, послѣднемъ Византійскомъ императорѣ Константиѣ, который вступилъ на императорскій престолъ 6-го Января 1449-го года, принято думать, что тотчасъ по занятіи престола онъ объявилъ себя за православіе противъ уніи и что въ 1451-мъ году, въ виду рѣшительнаго приготовления Турокъ къ овладѣнію Константинополемъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, для получения помощи противъ Турокъ, обратиться къ папѣ съ предложеніемъ о возобновленіи или о восстановленіи уніи. На самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе думать о Константиѣ, что первоначально онъ подобно брату держался уніи, — что въ 1451-мъ году, вынуждаемый требованіемъ духовенства и народа, онъ отказался было отъ нея и восстановилъ православіе и что почти тотчасъ послѣ восстановленія православія, по указанной выше причинѣ, онъ обратился къ папѣ съ предложеніемъ объ ея (уніи) восстановленіи²⁾. Какъ бы то ни было, но въ

¹⁾ Акт. Ист. т. I, № 47, стр. 94 fin., Памятн. канонич. права Павлова ч. I, № 66, col. 558 fin.—Нѣкоторые принимаютъ, что въ 1440-мъ году состоялся въ Константинополѣ соборъ изъ архіереевъ и многихъ клириковъ, который подалъ императору 'Απολόγια καὶ ἀναφοράν περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ συνόδου, напечатанную патр. Иерусалимскимъ Нектаріемъ въ его 'Αντίρρησις περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα, стр. 233—236 (напр. архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ въ книгѣ: Ὀρθόδοξος Ἑλλάς, стр. 107). Но 'Απολόγια и ἀναφορά принадлежатъ не небывалому Константинопольскому собору 1440-го года, а группѣ архіереевъ, патриаршихъ сановниковъ и настоятелей Константинопольскихъ монастырей, не признававшихъ уніи, отъ которыхъ въ концѣ правленія патр. Митрофана и по рѣшительному настоянію сего послѣдняго требовано было императоромъ признаніе уніи и которые подали императору 'Απολόγια καὶ ἀναφοράν въ объясненіе и оправданіе своего упорства, сфг у *Сиропула* sect. XII, cap. XI.

²⁾ Если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе: то тотчасъ же и долженъ бы былъ низвести съ каедръ патриарха—уніата Григорія Мамму. А между тѣмъ низведеніе Григорія со всею вѣроятностью должно быть относимо къ 1451-му году. Въ этомъ послѣднемъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, онъ бѣжалъ или изгнанъ былъ изъ Константинополя

1451-мъ году импер. Константинъ обратился къ преемнику папы Евгения IV Николаю V съ предложеніемъ о восстановленіи уніи, слѣдствіемъ каковаго предложенія было то, что въ Ноябрь 1452-го года прибылъ въ Константинополь отъ папы бывший Русскій митрополитъ Исидоръ, который 12-го числа слѣдующаго Декабря торжественно и восстановилъ въ храмѣ св. Софѣи унію съ папой (не вводившуюся прежде, какъ мы сказали, официальнымъ и торжественнымъ образомъ¹⁾).

Современный греческій историкъ Дука сообщаетъ намъ свѣдѣнія, какъ было принято Греками это восстановленіе уніи. Прежде всего онъ говоритъ, что и тѣ немногіе, которые желали ея восстановленія и приняли ее восстановленную, желали и приняли, со включеніемъ и самого императора, только наружнымъ или притворнымъ образомъ, изъ-за нужды получить отъ папы и при его посредствѣ помощь противъ Турокъ²⁾. Затѣмъ, мы находимъ у него слѣдующее. 12-го Декабря, въ то время, какъ Исидоръ совершалъ въ храмѣ св. Софѣи церемонію восстановленія уніи, народъ, воодушевленный противъ послѣдней знаменитымъ монахомъ Геннадіемъ, бывшимъ сановникомъ Георгіемъ, Схоларіемъ, ходилъ по городу и кричалъ анаѣему принявшимъ и имѣющимъ принять унію,—кричалъ, что не хочетъ помощи латинянь ни соединенія съ ними и что пусть исчезнетъ служба азимитовъ³⁾. Послѣ 12-го Декабря народъ пересталъ ходить въ храмъ св. Софѣи, чтобы не оскверняться, и началъ смотрѣть на

(Франца говоритъ о немъ: διέβη ἀπὸ τῆς πόλεως ὡς φοβός,—lib. III, n. β', у *Миля* въ Патрол. col. 818; Дука употребляетъ о немъ выраженіе: ἐξόριστος πατριάρχης,—сар. XXXVI, у *Миля* въ Патрол. col. 1060; папа Николай V въ упомянутомъ выше посланіи къ импер. Константину употребляетъ о немъ выраженіе: abjectus Sacerdos,—у *Миля*, col. 1210) и со всею вѣроятностью должно думать, что послѣ своего низложенія онъ оставался или оставленъ былъ въ Константинополѣ очень не долго. Нашъ Московскій великій князь Василій Васильевичъ Темный, поставившій въ концѣ 1448-го года въ митрополиты Русскіе св. Іону безъ спроса у патриарха—уніата, рѣшился извѣщать импер. Константина о своемъ поступкѣ только въ 1451-мъ году (см. грамоту въ Акт. Ист., т. I, №№ 41 и 262 и въ Памятникахъ канонич. права Павлова № 71). Но если бы Константинъ тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ себя за православіе: то и великій князь долженъ былъ бы извѣстить его о своемъ поступкѣ тотчасъ послѣ его вступленія на престолъ.

¹⁾ Дука, сар. XXXVI, въ Патрол. *Миля* t. 157, coll. 1057 и 1060.

²⁾ Сар. XXX, у *Миля* coll. 1057, 1060—61.

³⁾ Сар. XXXVI, у *Миля* coll. 1057 и 1060.

3/4
 него какъ на прибѣжище демоновъ (ὡς καταφύγιον δαιμόνων), какъ на языческое капище и какъ на іудейскую синагогу¹⁾. Священники, бывшіе противъ уніи, строжайше воспрещали мірянамъ имѣть общеніе съ священниками, принимавшими унію, говоря, что они не священники и что приносимая ими евхаристія не есть евхаристія; если священникъ уніатъ являлся на похороны или на поминовеніе усопшихъ, то священники неуніаты тотчасъ, сбросивъ ризы, бѣжали какъ отъ огня²⁾. Самъ народъ не хотѣлъ причащаться отъ священниковъ уніатовъ, говоря, что это значило бы получать не освященіе, а оскверненіе, и смотрѣлъ на церкви, въ которыхъ они служили, какъ на языческія капища³⁾. На представленіе, что унія съ папой есть единственное средство спасенія Константинополя отъ Турокъ, народъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ видѣть господствующею въ немъ чалму турецкую, чѣмъ шляпу латинскую (Κρείττοτέρον ἐστὶν εἶδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακίβλιον βασιλεῦον Τούρκων ἢ χαλύπτρον λατινικόν⁴⁾). Наконецъ, чтобы показать всю необычайную и непоборимую силу отвращенія Грековъ къ латинянамъ, Дука говоритъ, что когда по взятіи Константинополя Турками народъ, ища спасенія отъ ихъ меча, сбѣжался въ храмъ св. Софїи, то если бы и тогда сошелъ ангелъ съ неба и сказалъ: „примите унію и прогоню враговъ изъ города“, народъ не принялъ бы уніи⁵⁾.

Необычайное отвращеніе Грековъ къ латинянамъ, проявленное ими по поводу Флорентійскаго собора, не было съ ихъ стороны какой нибудь мимолетной вспышкой, условленной чѣмъ нибудь временнымъ и случайнымъ, а было выраженіемъ давняго и закоренѣлаго чувства, свидѣтельства о чемъ идутъ весьма издалека, равно какъ имѣются и изъ времени, непосредственно предшествовавшего собору. Въ 1098-мъ году одинъ изъ вождей крестоносцевъ писалъ другому вождю (Бозмундъ Тарентскій Готтфриду Буильѣнскому) относительно Грековъ, съ которыми послѣднему предстояло имѣть дѣло, какъ герцогу Антиохійскому: „Знай, лучшей изъ людей, что тебѣ предлежитъ имѣть дѣло противъ злѣйшаго звѣря и съ человѣкомъ негоднымъ, котораго помысль состоитъ въ томъ, чтобы всегда обманывать и до самой смерти всякими способами преслѣдовать весь латинскій родъ,

¹⁾ Сарр. XXXVII и XXXIX, у *Миня* coll. 1065, 1072 и 1104.

²⁾ Сарр. XXXVII, у *Миня* col. 1065.

³⁾ Сарр. XXXVI, у *Миня* col. 1062.

⁴⁾ Сарр. XXXVII, у *Миня* col. 1072.

⁵⁾ Сарр. XXXIX, у *Миня* col. 1104.

ибо я знаю злобу и упорно-непобѣдимую ненависть Грековъ къ латинянамъ“; а второй изъ вождей отвѣчалъ первому, что, зная прежде о ненависти Грековъ къ латинянамъ по слуху, онъ ежедневно убѣждается теперь въ этомъ на дѣлѣ¹⁾. По поводу взятія въ 1186-мъ году Сицилійцами Тессалоники, при чемъ подверглась величайшему поруганію святыня Грековъ, Никита Хоніатъ говоритъ: „Между нами и ими (проклятыми латинянами) утвердилось величайшее пропастъ вражды, мы не можемъ соединиться душами и совершенно расходимся другъ съ другомъ, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ“²⁾. Первый латинскій императоръ Константинополя Балдуинъ писалъ папѣ Иннокентію III о Грекахъ: „это такой народъ, который не удостоивалъ всѣхъ латинявъ имени людей и называлъ (ихъ) собаками и который проливать ихъ кровь считалъ почти заслугой“³⁾. Греческій императоръ Михаилъ Палеологъ, отнявшій въ 1261-мъ году Константинополь у латинявъ, опасаясь новаго отнятія ими у него города, увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ защитѣ папы и заключилъ съ нимъ унію на Ліонскомъ соборѣ 1274-го года. Когда не смотря на прямыя и ясныя заявленія, что требуется унія лишь на словахъ и притомъ съ самыми легкими обязательствами по отношенію къ папѣ⁴⁾, императоръ встрѣтилъ рѣшительное себѣ сопротивленіе, то онъ обрушился на сопротивляющихся жестокими казнями. А эти казни, нисколько не помогши дѣлу фактивной уніи, кончившейся со смертью Михаила Палеолога въ 1282-мъ году, должны были сильно увеличить вражду Грековъ къ латинянамъ. Одинъ западный паломникъ писалъ въ 1428-мъ году, что Греки открыто признаются, что они лучше примутъ вѣру турецкую, нежели латинскую⁵⁾.

Послѣ взятія Константинополя Турками 29-го Мая 1453-го года, Греки, какъ бы нарочито показывая свою непримиримую вражду къ

¹⁾ См. у *Вильгельма Турскаго* въ *Historia rerum transmarinarum*, lib II, cap. 10.—въ Патрол. *Миня* t. 201, col. 260; выписка у *Пихлера* въ *Kirchliche Trennung*, I, 281—282.

²⁾ Царствованія Андроника Комнина кн. I, п. 8 (русск. перев. I, 383).

³⁾ Въ Патрол. *Миня* t. 215, col. 452; выписка у *Пихлера*, *ibid.* I, 308.

⁴⁾ См. Пахимера кн. V, пп. 18 и 20 (русск. перев. стрр. 355 и 364).

⁵⁾ См. у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2-го изд. стр. 539 (Нарочитыя рѣчи о враждѣ Грековъ къ латинянамъ можно читать въ сочиненіи *А. П. Лебедева*: *Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка*, стр. 79 sqq).

ставшей теперь совѣмъ бесполезною для нихъ уніи, избрали себѣ въ патриархи (на освободившееся такъ или иначе патриаршее мѣсто, о чемъ нѣсколько словъ ниже) помянутаго выше знаменитаго Геннадія Схоларія, который до взятія Константинополя Турками самымъ настоятельнымъ образомъ вооружалъ и возбуждалъ ихъ противъ уніи ¹⁾).

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго изложенія дѣла объ уніи Флорентійской, надѣмся, совершенно ясно видно, что при посредствѣ этой уніи Греки вовсе не могли заразиться латинскими ересями и погрѣшеніями: ибо какъ могли они заразиться, когда на самомъ дѣлѣ вовсе не принимали уніи и когда встрѣтили ее съ самой ожесточенной враждой? Но, наконецъ, если бы кто сталъ упорно настаивать, что это зараженіе имѣло мѣсто, то для совершеннаго загражденія устъ подобному упорному мы имѣемъ документальное свидѣтельство. До насъ дошелъ актъ Флорентійской уніи ²⁾. Изъ этого акта, въ которомъ прописано, чего именно требовалъ папа отъ Грековъ и на что они согласились, видно, что папа вовсе не посягалъ на какіе либо обряды и обычаи Грековъ, а требовалъ отъ нихъ признанія и они съ своей стороны изъявили готовность на признаніе, во-первыхъ, римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о совершеніи литургіи на опрѣснокѣхъ и о чистилищѣ, а вовторыхъ: главенства папы въ церкви. Но рѣшится ли кто нибудь утверждать, чтобы Греки когда нибудь послѣ Флорентійскаго собора принимали тотъ или другой изъ сейчасъ указанныхъ пунктовъ латинскаго ученія и чтобы они когда нибудь послѣ собора признавали главенство папы въ церкви? ³⁾

¹⁾ О горячей и неустанной проповѣди Геннадія противъ уніи говорить Дука, — сарр. XXXVI и XXXVII, у *Миня* coll. 1057 fin., 1065, 1072.

²⁾ Актъ изданъ нѣсколько разъ. Последнее и лучшее, известное намъ, изданіе его въ Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, edita ab *Augustino Theiner* et *Francisco Miklosich*, Vindobonae, 1872, pp. 46—56.

³⁾ Сохранилось до настоящаго времени посланіе патр. Митрофана къ духовенству одной епархіи. Изъ этого посланія оказывается, что Греки - уніаты не соблюдали и всего того, къ чему обязывались въ актѣ уніи. Патриархъ говоритъ въ посланіи: „Должны вы знать, что всѣ наши церковные обычаи, въ священнослужбѣ святаго Тѣла Христова и въ прочихъ послѣдованіяхъ, и чтеніе священнаго символа мы сохраняемъ, какъ прежде, совершенно ничего не измѣнивша“ (Γινώσκαι δὲ ὀφείλετε, ὅτι πάντα ἡμῶν τα ἐκκλησιαστικά ἔθη 'εν

Увѣреніе, будто послѣ взятія Константинополя Турками латиняне выкупили всѣ греческія рукописи, содержація учительныя отеческія творенія, и, переправя ихъ по своему, печатали ихъ въ искаженномъ видѣ и раздавали Грекамъ, у Арсенія Суханова въ известномъ Преніи съ Греками читается такъ: „По взятіи Царяграда отъ Турка латинницы книги греческія всѣ выкупили и у себя переправи печатали по гречески и вамъ (Грекамъ) раздавали“. Очень вѣроятно думать, что увѣреніе и принадлежит самому Арсенію Суханову, какъ его автору. Но если такъ, то Арсеній рѣшился высказать его или не зная дѣла или же позволяя себѣ недобросовѣстность. На Западѣ дѣйствительно были попытки, особенно со стороны Іезуитовъ, исказить восточныхъ отцевъ съ цѣлію благопріятствованія латинскому ученію. Но попытки, какъ дѣло безчестное, встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны самихъ же западныхъ ученыхъ, которые нещадно обличали ихъ, такъ что онѣ никого не могли ввести въ заблужденіе и никому не могли причинить никакого вреда. А вообще творенія восточныхъ отцевъ изданы западными учеными вполне добросовѣстно и такъ хорошо, какъ самимъ Грекамъ, а равно и намъ — Русскимъ, никогда бы ихъ не издать, такъ что отъ Грековъ и отъ насъ — Русскихъ они заслуживаютъ величайшей благодарности (безъ западныхъ ученыхъ мы даже и не особенно хорошо не издали бы всѣхъ твореній отеческихъ). Когда Арсеній говоритъ, будто латинницы выкупили всѣ греческія книги, то въ опроверженіе его достаточно напомнить, что самъ же онъ привезъ въ Москву съ Аѳона большое количество греческихъ книгъ и что книгъ этихъ и до сихъ поръ остается на Аѳонѣ чрезвычайно большее количество. Есть еще легенда или сказка, которая не утверждаетъ, чтобы латиняне переправили по своему греческія книги, но которая утверждаетъ, будто благодаря злонамѣренности латинянъ „конечное оскудѣ“ у Грековъ философія. Въ одномъ изъ сказаній о преп. Максимѣ Грекѣ читается, что, объясняя вел. кн. Василию Ивановичу, почему ходилъ для образованія въ западную Европу, Максимъ говорилъ государю: „Сего ради, православный самодержче государь, изъ греческія земли въ западныя страны отъ младыхъ ногтей вдахся на ученіе, понеже не обрѣтохъ въ гречестей странѣ философскаго ученія, ради великія скудости книжныя, егда убо безбожніи Турки обладаша Царствующимъ градомъ, тогда

τῆ τε ἱερᾷ τελετῇ τοῦ ἁγίου σώματος τοῦ Χριστοῦ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀκολουθίαις καὶ τὴν τοῦ ἱεροῦ συμβόλου ἀνάγνωσιν τηροῦμεν ὡς πρότερον, οὐδὲν τὸ σύνολον ἐν ἀλλάξαντες), см. посланіе въ книгѣ *J. G. Pitsipios'a* L'Eglise Orientale, II, 48.

нѣдци благочестивии взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти благочестія вѣру, да не до конца угаснетъ свѣтило греческое православіе отъ безбожныхъ и богомерзкихъ Турокъ, и тако отплыша моремъ въ Римъ; латынстии же люди, тщеславни зѣло и отъ многихъ лѣтъ желажу восточныхъ учителей списанія видѣти, но гречестии цари не изволиша сему быти ради отступленія ихъ отъ православія; егда же улужиша время, принесенныя убо отъ Грекъ книги въ свой римскій языкъ преложиша, и греческіе же книги отнюдь всѣ огнемъ сожгоша, и такъ конечное оскудѣ у Грековъ философія“¹⁾. Это мнимое показаніе преп. Максима Грека, не говорящее прямо, что у Грековъ погибло православіе, но такъ сказать инсинуирующее и заставляющее подозрѣвать это, взято у извѣстнаго князя Андрея Михайловича Курбскаго изъ его предисловія къ переводу словъ Іоанна Златоустаго, названнаго имъ Новымъ Маргаритомъ, и тенденціознымъ образомъ передѣлано такъ, чтобы утверждать совсѣмъ противное или обратное тому, что утверждается въ подлинникѣ. Курбскій пишетъ, что онъ спрашивалъ своего учителя, преп. Максима Грека: всѣ ли творенія отеческія переведены на славянскій языкъ и что получилъ отъ него въ отвѣтъ: „Не преведены суть во словенскій, но въ грецкомъ всѣ обрѣтаются, а не токмо во словенскій, но ни въ латинскій языкъ не дозволены были преложитися, аще и зѣло ихъ Римляня желали и многія прошенія о томъ чинили, но грецкими цесарми было забраняемо сіе имъ и никакожь попускаемо, не вѣмъ, реклъ, чего ради²⁾, даже до Царствующаго града взятія; егда же, грѣхъ ради христіанскихъ, Константиновъ градъ по Божію праведному суду преданъ былъ подъ власть безбожныхъ Турковъ и святилище великое Божіа Премудрости осквернено суще и оltарь великій опроверженъ, патриархъ Анастасій³⁾ и презвитери и

¹⁾ Троицк. Лаврск. ркп. № 201, гл. 134, л. 553 об. О преложеніи латинянами греческихъ книгъ въ свой римскій языкъ и о сожженіи ими послѣ сего всѣхъ греческихъ книгъ говорится и въ повѣсти о бѣломъ клубкѣ, см. Памятники старинн. русск. литературы *Кушелева-Безбородко*, I, 288.

²⁾ Или Курбскій перетолковалъ преп. Максима Грека; или же преп. Максимъ Грекъ говорилъ Курбскому нѣчто такое, чего мы объяснить не въ состояніи. На Западѣ дѣйствительно мало знакомы были съ твореніями восточныхъ отцевъ (и съ классической греческой литературой) до взятія Константинополя Турками, но не по указанной причинѣ, представляющей собою *non sens*, а по другой.

³⁾ Извѣстно весьма сомнительное дѣяніе собора, будто бы бывшаго въ Константинополѣ при импер. Константиѣ, въ которомъ говорится, что на мѣ-

вси клирици отъ церкви отогнанны и въ плѣнь и въ работу взяты; послѣди же патриархъ отъ рукъ ихъ утече съ нѣкоими презвитеры и діаконы до Венацѣи и зъ собою газофилякію (либрарію, або книгохранительницу, какъ поясняетъ на полѣ самъ Курбскій) церковную изнесе; Венеты же, видѣвъ давно желательное въ рукахъ ихъ, все оставя, яшася вседушне за книги учителей восточныхъ церквей, и посаждаютъ двухъ презвитеровъ Софѣйскихъ и Петра архидіакона, мужей не точію въ священныхъ писаніяхъ искусныхъ, но и внѣшнюю философію навывшихъ, и етому придаютъ имъ въ помощь своихъ премудрыхъ и переводятъ книги всѣхъ учителей нашихъ, елико ихъ обрѣли, отъ еллинскіе бесѣды на римскую, по чину и разуму грамматическому, не отмѣняяще не (ни) малѣйше; и преложивше ихъ на языкъ свой даютъ въ друкъ (на печатаніе) и размножаютъ много и посылаютъ, продающе ихъ лехкою (дешевою) цѣною не точію въ Италіи, но и по всѣмъ странамъ западнымъ, на исправленіе и просвѣщеніе народовъ христіанскихъ“¹⁾.

сто низведеннаго соборомъ патриарха—униата Григорія Маммы поставленъ былъ православный патриархъ, по имени Аѳанасій (дѣяніе напечатано Аллѣіемъ въ его сочиненіи: *De Ecclesiae Orientalis et Occidentalis perpetua consensione*, pp. 1380—1389, и потомъ въ обширѣйшей редакціи патриархомъ Іерусалимскимъ Досіеємъ въ его изданіи: *Τόμος καταλλαγής*, стрр. 457—521). Но что на мѣсто Григорія Маммы соборомъ или не соборомъ дѣйствительно поставленъ былъ православный патриархъ, представляющій собою предшественника Геннадію Схоларію, относительно этого кромѣ показанія Курбскаго извѣстны и другія наши русскія свидѣтельства. Повѣсть о взятіи Царьграда Турками, читаемая въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ (въ первой—V, 231—277, во второй—Собр. лѣтт. VIII, 125—144), утверждаетъ, что у Грековъ во время осады Константинополя Турками былъ и потомъ, на то или другое время, пережилъ осаду православный патриархъ Анастасій. Новгородская 3-я лѣтопись говоритъ, что Царьградъ взятъ Турками при императорѣ Константиѣ и патриархѣ Аѳанасіи (Собр. лѣтт. III, 240 fin.).

¹⁾ См. Предисловіе къ новому Маргариту въ сочиненіи—изданіи: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Кіевъ, 1849, т. II, стрр. 308—310. Должно, впрочемъ, оговориться и прибавить, что извѣстна другая запись Курбскаго, въ которой утверждается, будто о греческихъ книгахъ, относящихся къ наукамъ словеснымъ,—физикѣ, метафизикѣ и логикѣ или діалектикѣ, Максимъ дѣйствительно говорилъ ему (Курбскому), что когда достались онѣ латинянамъ, то послѣдніе перевели ихъ на свой языкъ, а ихъ (греческія книги), многія зависти ради, пожгли, см. въ Описаніи рукописей *Хлудова*, составл. А. Поповымъ, № 60, л. 66, стр. 118.

Что Греки долгое время печатали свои богослужебныя книги въ Венеціи, это совершенная правда; но чтобы венеціанскіе латинскіе типографщики, печатавшіе для нихъ книги, повреждали послѣднія во время печатанія и вносили въ нихъ свои латинскія ереси и погрѣшенія, это совершенная неправда.

Греки сознали великую пользу книгопечатанія и его рѣшительное превосходство надъ рукописаніемъ гораздо ранѣ насъ—Русскихъ, такъ что первая греческая книга была напечатана въ 1486-мъ году ¹⁾, за 78 лѣтъ до напечатанія въ Москвѣ первой славянской книги. Но типографское мастерство есть мастерство очень подозрительное, легко и почти неизбежно возбуждающее мысль о злоупотребленіяхъ, а поэтому Греки, въ виду опасности привлекать на себя подозрѣнія Турокъ, долгое время и не находили возможнымъ заводить у себя своихъ типографій, а хотѣли пользоваться типографіями заграничными, именно—ближайшаго къ нимъ и наиболѣе знакомаго имъ западнаго города Венеціи ²⁾. Но дѣло было не такъ, чтобы Греки заказывали венеціанскимъ типографщикамъ (между которыми, не мѣшаетъ замѣтить, было нѣсколько и собственныхъ православно-греческихъ) и печатать книги и вмѣстѣ изготовлять текстъ книгъ для печати, а такъ, что они заказывали типографщикамъ только печатать, а текстъ для печати изготовляли сами. Обыкновенно было такимъ образомъ, что какойнибудь образованный Грекъ, побуждаемый желаніемъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ или надеждою денежной выгоды, изготовлялъ текстъ какойнибудь богослужебной книги и изготовленный имъ текстъ отдавалъ въ типографію для напечатанія. Но типографіи обязываются печатать съ совершенно неизмѣнною точностью то, что имъ доставляется для печатанія: такъ это есть теперь, такъ это было съ самаго начала книгопечатанія, ибо такъ это должно быть по существу дѣла. А если бы и предположить совершенно невѣроятное, что венеціанскіе типографщики, ревнуя о своемъ католичествѣ, хотѣли рѣшиться на подлоги и искаженія въ поручавшихся имъ для печатанія греческихъ книгахъ: то хотѣніе не могло бы осуществиться по той простой причинѣ, что корректуру печатавшихся

¹⁾ См. *Νεοελληνικήν Φιλολογίαν* *Андрея Пападопула Врето*, ч. I, № 1.

²⁾ Въ 1627-мъ году патр. Кириллъ Лукарисъ завелъ было типографію въ Константинополь, но инсинуаціи на него по поводу нея турецкому правительству со стороны іезуитовъ заставили его отказаться отъ собственнаго книгопечатанія въ слѣдующемъ же 1628-мъ году, см. *Νεοελληνικήν Φιλολογίαν* *Константины Ситы*, стр. 275 sqq.

книгъ обыкновенно держали сами тѣ Греки, которые заказывали типографіямъ печатаніе книгъ. Вообще, какъ въ настоящее время у насъ и гдѣ бы то ни было намѣренное искаженіе типографщиками какихъ бы то ни было книгъ есть дѣло невозможное и не могущее имѣть мѣста: такъ и въ XV—XVII в. оно было для венеціанскихъ типографщиковъ дѣломъ невозможнымъ и не могшимъ имѣть мѣста по отношенію къ греческимъ богослужебнымъ книгамъ, которыя они печатали.

(У Арсенія Суханова въ Преніи указаніе на тотъ способъ передачи латинянами Грекамъ ихъ ересей и погрѣшеній, о которомъ у насъ рѣчь, читается: „Вамъ (Грекамъ) книги печатаютъ въ Венеціи и во Англіи по еллинскому писанію“. Указаніе вмѣстѣ съ Венеціей на Англію служить съ одной стороны доказательствомъ подлинной принадлежности Пренія Суханову, ибо у позднѣйшаго поддѣльвателя Англія, конечно, не могла бы явиться; а съ другой стороны оно (указаніе) отъ недостаточнаго знанія ошибочно: въ 1624-мъ году завелъ было въ Лондонѣ типографію греческій монахъ Никодимъ Метакса, но, во первыхъ, типографія принадлежала не кому либо изъ еретиковъ, Англичанъ, а православному Греку, во вторыхъ—она существовала весьма недолго и, сколько извѣстно, въ ней не было напечатано ни одной богослужебной книги ¹⁾.—Въ преніяхъ съ Греками Сухановъ опровергалъ ссылку своихъ противниковъ на то, что ихъ книги приготавливаютъ для печати ихъ же православныя Гречане указаніемъ, что у одного изъ дидаскаловъ, присутствовавшихъ на преніяхъ, была печатная грамматика, въ которой символъ вѣры былъ напечатанъ съ прибавленіемъ: „и отъ Сына“. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта неизвѣстная грамматика была изданіемъ не православнаго Грека. А если православный человѣкъ пользовался книгою, которая содержала въ себѣ ереси, такъ изъ этого ничего не слѣдуетъ: пользуясь книгою, православный человѣкъ смотрѣлъ на содержавшіяся въ ней ереси именно какъ на ереси.

Совершенно вѣрно, что греческіе дидаскалы или учителя отправлялись для полученія образованія въ западную Европу; но совершенно невѣрно, что слѣдствіемъ сего было зараженіе греческой церкви латинскими ересями и погрѣшеніями.

Мы—Русскіе обходились безъ настоящаго просвѣщенія и не чувствовали нужды въ немъ до времени Петра Великаго. Но у Грековъ было иное. Хотя послѣ блестящихъ въ отношеніи къ просвѣ-

¹⁾ См. въ сейчасъ указанномъ сочиненіи *К. Ситы*, стр. 274—275.

щенію древнихъ временъ потомъ оно и значительно у нихъ унало, но никогда не пропадала у нихъ жажда его и никогда не исчезало у нихъ и оно само. Послѣ взятія Константинополя Турками настали тяжелыя времена для просвѣщенія въ самой Греціи, между тѣмъ на Западѣ, не говоря о полной свободѣ и величайшемъ покровительствѣ, которыми пользовались науки, начались времена такъ называемаго ихъ (наукъ) возрожденія: и греческіе юноши, жаждавшіе и желавшіе просвѣщенія, устремились для его приобрѣтенія на Западъ. Главное учебное заведеніе, въ которомъ Греки искали себѣ западнаго образованія, составлялъ Падуанскій университетъ, такъ какъ Падуа была ближайшимъ университетскимъ городомъ къ Венеціи, мѣсту преимущественной высадки Грековъ на итальянскомъ берегу. Но въ Падуанскомъ университетѣ, равно какъ и въ другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не занимались нарочитою пропагандой; а поэтому и неприкосновенность православной вѣры Грековъ, учившихся въ университетѣ и другихъ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, вовсе не подвергалась опасности. Впрочемъ, были, вѣроятно, отдѣльные случаи измѣны православію и отпаденія въ латинство, имѣвшіе своей причиной не то, что юноши учились въ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, а то, что, живя въ Италіи, они поддавали вліянію внѣшкольныхъ ревнителей католичества, которые увлекали ихъ въ послѣднее. Затѣмъ, было въ Италіи учебное заведеніе, которое имѣло нарочитою своею цѣлію воспитывать греческихъ юношей въ католичествѣ съ тѣмъ, чтобы они по возвращеніи домой посвящали себя пропагандѣ католичества между своими соотечественниками, это—греческая collegia, основанная въ Римѣ въ 1577-мъ году папою Григоріемъ XIII и дѣйствительно приготовившая изъ Грековъ-ренегатовъ нѣсколько ревностныхъ слугъ католичества, каковы: Петръ Аркудій, Матѳей Каріофилль, Левъ Аляцій и другіе. Но если такимъ образомъ составляетъ дѣйствительный фактъ, что благодаря ученію и пребыванію Грековъ въ Италіи были между ними отдѣльные случаи отпаденія въ католичество: то эти отдѣльные случаи вовсе не означаютъ того, чтобы греческая церковь, благодаря своимъ дидаскаламъ, учившимся въ Италіи, заразилась латинскими ересями и погрѣшеніями. Отдѣльные люди между Греками отпадали отъ православія въ католичество и даже становились ревностными слугами послѣдняго: но церковь греческая, какъ таковая, въ неприкосновенной цѣлости сохраняла все свое православіе и терпѣла только тотъ ущербъ, что лишалась нѣсколькихъ своихъ членовъ. Люди, отпадавшіе отъ православія въ католичество или эти ренегаты могли увле-

кать въ католичество другихъ отдѣльныхъ, и даже болѣе или менѣе многихъ, людей: но опять вредъ для церкви, нисколько не утрачивавшей чистоты православія, былъ лишь тотъ, что она теряла болѣе или менѣе значительное количество своихъ членовъ. Чтобы извинить Грековъ, отправлявшихся для приобрѣтенія просвѣщенія въ католическо-схизматическую Италію, достаточно напомнить, что древніе знаменитые отцы церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый искали себѣ просвѣщенія у языческихъ учителей, а что, наприм. Василій Великій прямо совѣтуетъ христіанскимъ юношамъ читать сочиненія языческихъ писателей (Бесѣда къ юношамъ о томъ, какъ получить пользу изъ языческихъ сочиненій¹⁾). А какіе прекрасные учителя и какіе горячіе ревнители православія могли выходить изъ Грековъ, учившихся въ Италіи, достаточно напомнить, что преп. Максимъ Грекъ провелъ въ Италіи, для изученія въ ней наукъ, около десяти лѣтъ.

(У Суханова это заявленіе о дидаскалахъ греческихъ, ходившихъ учиться въ Италію, читается: „Дидаскалы ваши ходятъ учиться въ Римъ и въ Венецію и отъ тѣхъ наукъ приходятъ къ вамъ и тамъ они будучи, якоже въ коростовомъ стадѣ здравая скотина окоростываетъ, и тако ваши дидаскалы приходятъ къ вамъ“... Подъ Римомъ Сухановъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ римскую collegia Григорія XIII, а подъ Венеціей, должно думать, разумѣетъ находившійся по близости ея Падуанскій университетъ).

Итакъ, всѣмъ тѣмъ, на что указывали дониконовскіе Русскіе и на что указываютъ старообрядцы въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшихъ Грекахъ, будто Греки эти утратили чистоту православія древнихъ Грековъ и заразились отъ латинянъ ихъ еретическими новшествами, нисколько не подтверждается справедливости мнѣнія: все это совершенно несостоятельно и представляетъ собой — если дѣйствительные факты, то такіе, изъ которыхъ создаются свидѣтельства въ пользу мнѣнія безъ всякаго основанія, а если не факты, то пелѣшья сказки и выдумки.

¹⁾ Пусть старообрядцы читаютъ предисловіе къ грамматикѣ, напечатанной въ Москвѣ при патр. Іосифѣ въ 1648-мъ году. Въ немъ обстоятельно и настоятельно, свидѣльствами и примѣрами отцевъ и писателей, доказывается необходимость просвѣщенія и сильно порицаются тѣ христіане, которые ненавидятъ и отщепляютъ внѣшнее ученіе, т. е. ученіе, касающееся не христіанской православной вѣры, а обыкновенныхъ человѣческихъ знаній, заимствуемыхъ и не у христіанскихъ учителей.

Исторія Флорентійскаго собора свидѣтельствуегь не о томъ, будто чрезъ посредство этого собора Греки заимствовали отъ латинянъ ихъ еретическія и погрѣшительныя новшества, но о томъ, что къ его времени Греки питали величайшее отвращеніе къ латинству. А что касается до времени послѣ Флорентійскаго собора, то всякій, кто хоть сколько нибудь знаетъ исторію Грековъ за послѣдующее послѣ собора время, очень хорошо знаетъ, что не только вовсе не являлось въ это послѣдующее время такихъ обстоятельствъ, которыя бы могли превратить вражду Грековъ къ латинянамъ въ расположеніе къ нимъ, но что напротивъ были только обстоятельства, которыя должны были довести вражду до самой послѣдней и до самой возможной степени напряженія,—разумѣемъ католическую пропаганду на Востокъ. Не отсутствуютъ и внѣшнія свидѣтельства о православіи Грековъ послѣ Флорентійскаго собора. Спустя 45-ть лѣтъ послѣ него въ 1484-мъ году собираемъ былъ соборъ въ Константинополѣ, на которомъ подтвердительно торжественнымъ образомъ осуждена была Флорентійская унія и на которомъ составленъ былъ чинъ принятія обращающихся въ православіе изъ латинства (черезъ муропомазаніе ¹⁾). Въ первой половинѣ XVI вѣка громко свидѣтельствовалъ о православіи Грековъ преп. Максимъ Грекъ ²⁾. Во второй половинѣ XVI вѣка Греки ясно засвидѣтельствовали о своемъ православіи своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ введенія уніи въ нашей югозападной Руси. Наконецъ, непрерывный за все время рядъ свидѣтелей представляютъ изъ себя тѣ весьма многіе греческіе писатели, которые писали противъ латинства и въ его опроверженіе ³⁾.

Но если бы и отсутствовали всякія внѣшнія свидѣтельства, то совершенная несправедливость мнѣнія, будто позднѣйшіе Греки заразились отъ латинянъ ихъ еретическими и погрѣшительными новшествами, съ рѣшительностью доказывается свидѣтельствомъ внутреннимъ. Если бы позднѣйшіе Греки заразились отъ латинянъ еретическими и погрѣшительными новшествами: то, конечно, были бы извѣстны эти новшества. Но такихъ новшествъ вовсе неизвѣстно. Правда, старообрядцы указываютъ на заимствованіе Греками отъ латинянъ троеперстія для крестнаго знаменія. Но это вовсе неоснова-

¹⁾ См. въ Святигѣхъ канонѣхъ *Ралли и Потли*, V, 143.

²⁾ Сочиненій Максима Казанск. изд. ч. III, стр. 154 и 156.

³⁾ См. книгу *архимандрита Андроника Димитракопула* *Ορθοδοξος Ελλάς ητοι περι των Ελληνων, γραφαντων κατα Λατινων* (Православная Греція или о Грекахъ, писавшихъ противъ латинянъ), 'Εν Λειψία, 1872.

тельно. Троеперстіе употребляется у латинянъ не для крестнаго знаменія, а для благословенія, и по формѣ своей отлично отъ троеперстія греческаго (три первые перста не соединяются пушками въ одно мѣсто, какъ въ нашемъ троеперстіи, но протягиваются, именно—протягиваются указательный и большой персты, а палець или прижимается къ нимъ или же отводится въ сторону. На извѣстныхъ Корсунскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора, представляющихъ собою произведеніе мастеровъ западныхъ, есть изображенія Спасителя и епископовъ западныхъ съ благословляющею троеперстно рукою. Троеперстіе такъ мало похоже на наше, что принимается раскольниками за ихъ двоеперстіе ⁴⁾.

¹⁾ Указывали еще дониконовскіе Русскіе, а за ними указываютъ старообрядцы, будто Греки заимствовали отъ латинянъ обливаніе въ таинствѣ крещенія. Но это есть недоразумѣніе: Греки не заимствовали отъ латинянъ обливанія, а при крещеніи младенцевъ употребляютъ такое погруженіе, которое можетъ быть смѣшиваемо съ латинскимъ обливаніемъ и принимаемо за послѣднее. Греки всегда твердо учили, какъ и до сихъ поръ учатъ, что крещеніе должно быть совершаемо чрезъ погруженіе (о времени Флорентійскаго собора см. у Сумеона Солунскаго *De sacramentis*, cap. 63, въ Патрол. *Миня*, t. 155, col. 228; о новомъ времени—изданіе *Или Тапталлида* *Παπιστικοι ελεγχοι*, томъ III, *Εν Κωνσταντινουπ.*, 1853, содержащій трактатъ *Περὶ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος*). Но чрезъ настоящее или полное погруженіе они крестили и крестятъ только взрослыхъ. Что же касается до младенцевъ, то въ виду опасности утопленія или, какъ выражаются наши славянскіе служебники, залитія, они большею частію крестили, какъ и до сихъ поръ крестятъ (?), ихъ чрезъ погруженіе неполное или не совсѣмъ настоящее: младенець поставляется въ купели, погруженный въ воду по шею, а на голову его священникъ трижды возливаетъ воду горстію правой руки (у латинянъ крещеніе совершается такъ, что одѣтаго младенца держитъ на рукахъ воспріемникъ или воспріемница, что священникъ открываетъ голову младенца и трижды крестообразно льетъ на нее немного освященной, принесенной имъ съ собою, воды изъ малаго сосуда. По-гречески латинское малое лянне воды или окропленіе—*φαντισμός*). Патриархъ Григорій Мама въ своей Апологіи противъ Марка Ефесскаго пишетъ: *Ὅδ' ἡμεῖς (Греки) καταδύομεν τὰ νήπια μέχρις ὄλης κορυφῆς, διότι οὐ δυνάμεθα παραγγέλλειν αὐτοῖς φυλάττειν εἰσπονήν καὶ ἐκπονήν τῆς ῥινός, ἵνα ταύτης φυλαττομένης καὶ ἡ δι' ὧτων τοῦ ἱεροῦ ὕδατος εἴσοδος φυλάττηται ἀλλ' οὐδὲ τὸ στόμα τοῦ νηπίου κλείειν δυνάμεθα· ἀλλ' ἐμβάλλομεν αὐτὰ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὡς πάνυ ἀναγκαῖον καὶ παραδεδομένον οἰοεὶ τῆς κολυμβήθρας μῆτραν εἰκονιζούσης καὶ τὴν ἀναγέννησιν διὰ τοῦτου δηλοῦσης· καὶ ἵνα μὴ ἡ κεφαλὴ, ἐνθα ἡ τῶν αἰσθήσεων ἕνωρις καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ὄχημα, ἄμοιρος γένηται τοῦ θεοῦ βαπτίσματος, ὑποκοιλαινόντες τὴν χεῖρα καὶ ταύτην ἐκ τοῦ ἁγίου ὕδατος ἐμπλήσαντες ἐπιχέωμεν ἐπάνω αὐτῆς, τὸ θεῖον ἐκφωνοῦντες ὄνομα καὶ ἐκάστης ὑποστά-*

Что касается увѣренія дониконовскихъ Русскихъ, повторяемаго старообрядцами, будто вѣру у Грековъ повредили Турки, то оно просто нелѣпо. Если бы Турки были христианами другаго исповѣданія, они могли бы повредить вѣру у Грековъ, навязавъ имъ свои ереси и погрѣшенія. Но Турки—совсѣмъ другой вѣры, не христиане, а магометане. Могли они принуждать Грековъ къ перемѣнѣ вѣры, къ принятію ихъ магометанства вмѣсто христианства, но этого они вовсе

σως ἰδίωμα, т. е. И мы (Греки) не погружаемъ младенцевъ со всею головою, потому что не можемъ приказать имъ беречь вдыханіе и выдыханіе носа, чтобы при сохраненіи сего предотвращенъ былъ входъ священной воды и чрезъ уши, а также не можемъ запереть и уста младенца; но погружаемъ ихъ (младенцевъ) въ купель, что есть дѣло совершенно необходимое и преданное, такъ какъ купель изображаетъ матернія ложезна и чрезъ сіе означаетъ возрожденіе; а дабы и голова, гдѣ кони чувствъ и колесница души, не была безпричастна святому вращенію, сдѣлавъ горсть изъ руки и наполнивъ ее святой водой, льемъ поверхъ ея (головы), возглаголюя божественное имя и собство каждой ипостаси,— въ Патрол. *Миня*, т. 160, col. 137. Въ греческомъ подлинникѣ номоканона, печатаемаго при большомъ требникѣ, предписаніе священнику относительно совершенія крещенія читается: Καὶ βαπτίζεις τὸ παιδίον εἰς τρεῖς καταδύσεις, ἤγουν εἰς τρία καταβάσματα ἐν τῷ ὕδατι, λέγων οὕτως: βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, ἀμήν, καὶ καταβάσεις αὐτὸ εἰς τὴν κολυμβήθραν, ὅπου ἔχει τὸ ἁγίασμα, καὶ βρέχεις τὸ ὄλον καθ' ἑν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀλίγων ὀρθῶς, ἀνάγων τὸ παιδίον, καὶ καταβάσεις αὐτὸ δευτέραν φοράν εἰς τὸ ὕδωρ καὶ βρέχεις αὐτὸ, ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Υἱοῦ, ἀμήν. Καὶ πάλιν ἴστασαι ὀρθῶς καὶ καταβάσεις τὸ πάλιν τὸ τρίτον, ὁμοίως λέγων καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, ἀμήν, καὶ τότε βρέχεις τὸ τέλειον, εἶτα τὸ ἐπαίρνεις ἀπὸ τὴν κολυμβήθραν καὶ τὸ δίδεις τῷ ἀναδόχῳ,—И крещаетъ дитя въ три погруженія, то есть (именно) въ три низводенія въ водѣ, говоря такъ: крещается рабъ Божій во имя Отца, аминь, и низводишь его въ купели, въ которой находится освященная вода, и поливаешь всего его одинъ разъ, и опять немного выпрямляешься, возводи дитя, и низводишь его во второй разъ въ воду и поливаешь его равнымъ образомъ говоря: и Сына, аминь, и опять становишься прямо и низводишь его опять въ третій разъ, равнымъ образомъ говоря: и Святаго Духа, аминь, и тогда поливаешь его окончательно; потомъ вынимаетъ его изъ купели и даетъ его восприемнику, см. ученое изданіе *А. С. Павлова*: Номоканонъ при большомъ требникѣ, Одесса, 1872, стр. 170, пр. 200. Въ преніяхъ съ Арсеніемъ Сухановымъ Греки говорили послѣдному о своемъ крещеніи: „Мы въ крещеніи обливаемся, а не погружаемся въ купели, тако мы изначала пріяли и держимъ, а у насъ то именуется и погруженіе, что трижды на крещаемого святитель руку возводитъ и низводитъ, егда воду льетъ на него“ (а указаніе на существующія злоупотребленія см. въ Пидаліонѣ, въ примѣч. къ 50-му апост. правилу, За-

не дѣлали: а какая бы была цѣль для нихъ принуждать Грековъ къ принятію кой-чего изъ ихъ вѣры и какой бы былъ смыслъ въ этомъ? Турки внѣшнимъ образомъ весьма унизили греческую церковь, отнявъ

кинеск. 1864 г. изд. стр. 65, col. 1 fin.). И у насъ въ Россіи это крещеніе дѣтей чрезъ неполное погруженіе было болѣе или менѣе распространено съ древняго до позднѣйшаго времени. О древнемъ времени см. Вопросаніе Бирка Новгородскаго въ Памятникахъ словесности XII вѣка *Калайдовича*, стр. 198, п. 16, и въ Памятникахъ каноническаго права *Павлова* col. 55, п. 16. Относительно позднѣйшаго времени см. многіе рукописные служебники и требники XV—XVI вѣка, указанные въ Опытѣ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій, по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ Московской печати, изданныхъ первыми пятью Россійскими патріархами, *іеромон. Филарета*, втор. изд. стр. 38—39, и печатные, имъ же указываемые, служебники Іовлевскій и междупатріаршій и требникъ Болобановскій. Рукописные служебники и требники и Болобановскій печатный требникъ говорятъ: „Аще младенецъ есть убо крещаемый, и посаждаетъ его долъ въ крестилници водѣ сущи, и по шію куплетъ, придерживая лѣвою рукою, десною рукою примъ теплую воду возливаетъ на главу его, занеже, младенцу слабу сущу, блюстися залитіа“ (текстъ синодальн. служебника XVI в., по Опис. *Горск. и Невостр.* № 358, л. 179 об.), а печатные служебники Іовлевскій и междупатріаршій, ограничивая нашъ способъ крещенія чрезъ неполное погруженіе случаями болѣзни крещаемыхъ младенцевъ, говорятъ: „Аще ли боленъ (младенецъ крещаемый), то подобно быти въ купели водѣ теплой, и погрузитъ его въ водѣ по выю, и возливаетъ ему на главу воду отъ купели десною рукою трижды, глагола... и пр. (Филаретовскій требникъ, устраняя существовавшій у насъ дотогѣ обычай неполнаго погруженія младенцевъ, предписываетъ: „и аще убо младенецъ крещаемый, и погружаетъ его іерей въ купели, поддерживая уста ему рукою искуснѣ отъ залитія воды, занеже младенцу слабу сущу“).—Выше мы сказали съ ограниченіемъ, что Греки большею частію крестили и крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе неполное, имѣя въ виду свидѣтельство Христофора Ангела въ его *Ἐγχειρίδιον* περὶ τῆς καταστάσεως τῶν σήμερον ἐπίσκοπόμενων Ἑλλήνων, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кембриджѣ въ 1619-мъ году. Христофоръ Ангель, разумѣя, вѣроятно, тѣ или нынѣ мѣстности Пелопоннеса, изъ котораго онъ былъ родомъ, говоритъ, что Греки крестятъ младенцевъ чрезъ погруженіе ихъ въ воду и съ головою: λαμβάνει ὁ ἱερεὺς τὸ νήπιον ταῖς χερσὶν αὐτοῦ καὶ κρατεῖ ταῖς δυοῖς χερσὶν ἐκ τῶν ὤμων καὶ εἰσβάλλει ἔσω τοῦ ὕδατος ὄλον νήπιον σὺν κεφαλῇ, λέγων βαπτίζεται ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς, καὶ ἀνέλκει νήπιον, ἔπειτα πάλιν, и пр., т. е. беретъ священникъ младенца въ свои руки и держитъ его обѣими руками за плечи и погружаетъ въ воду всего младенца съ головою, говоря: крещается рабъ Божій такой-то во имя Отца, и воззвлекаетъ (возводитъ) младенца, потомъ опять...— гл. 24.

у Грековъ и обративъ въ мечети ихъ великолѣпные храмы, а вмѣсто отнятыхъ дозволивъ имъ строить храмы жалкіе по виду и не имѣющіе на себѣ крестовъ, запретивъ имъ внѣхрамовыя торжественныя церемоніи, каковы крестные ходы и пр.¹⁾: но они ни малѣйше не посягали на вѣру Грековъ. А въ концѣ концовъ и здѣсь тотъ же вопросъ, что выше: если бы Турки повредили вѣру у Грековъ, то поврежденія эти были бы извѣстны, какія же это поврежденія? (О нелѣпости мнѣнія, будто Турки повредили вѣру у Грековъ писалъ еще митр. Филаретъ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу, — бесѣда 1, изд. 6, которое имѣемъ подъ руками, стр. 19 fin.²⁾

II.

Изъ всего сказаннаго нами съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что у позднѣйшихъ Грековъ никто не повреждалъ чистоты православія, что ни отъ кого не заимствовали они еретическихъ и погрѣшительныхъ новшествъ и что они постоянно содержали, какъ и до сихъ поръ содержатъ, православіе древнихъ Грековъ во всей его неповрежденной цѣлости. Если же это такъ, то откуда же взялась и какъ произошла нѣкоторая рознь ихъ съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ? Съ точки зрѣнія людей, которые приравниваютъ обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры, каковы были дониконовскіе Русскіе и каковы суть старообрядцы, это есть дѣло необъяснимое безъ предположенія, что которою либо стороною допущены новшества. Если обряды и обычаи церковные суть тоже, что догматы вѣры или имѣютъ одно съ ними значеніе: то всегда и неизмѣнно должны су-

¹⁾ Арсеній Сухановъ въ преніяхъ съ Греками говоритъ объ этомъ: „Не могутъ патріархи ваши по граду съ кресты ходити и на главѣ крестъ носить и на церкви крестъ имѣти и надъ мертвымъ у церкви отпѣвать (?) и по граду нести или въ колокола звонити и на ослати ѣздить (разумѣется: въ вербное воскресенье)“.

²⁾ Въ повѣсти о взятіи Константинополя Турками, помѣщенной въ Никоновской лѣтописи, читается легенда, что султанъ Магометъ „списалъ книги христіанскія потурски слово въ слово, да помыслилъ съ своими сеиты (магометанскими высшими духовными) и съ молвами (т. е. муллами)... со всею своею вѣрною думою и хотѣлъ греческихъ книгъ Настасію патріарху не отдать и христіанскую вѣру, греческій законъ, подернути до тла во Іерусалимѣ и во Царградѣ“, но что по молитвѣ патріарха Господь Богъ напустилъ на султана великій страхъ и онъ возвратилъ патріарху книги, — т. V, стр. 261—262. Раскольники передѣляли эту легенду такъ, что Турки испортили греческія книги.

ществовать въ одной и той же формѣ, какъ всякій догматъ всегда и неизмѣнно есть одинъ и тотъ же. А если такъ, то и существованіе обряда или обычая въ нѣсколькихъ формахъ не можетъ означать ничего иного, какъ допущеніе къмъ либо новшества. На самомъ дѣлѣ обряды и обычаи церковные могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ, одинаково правильныхъ и православныхъ, формахъ и наше нѣкоторое разрозненіе съ Греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ произошло такъ, что у насъ вошли въ общее употребленіе однѣ формы нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, а у Грековъ другія. Слѣдовательно, въ полемикѣ съ старообрядцами необходимо показать, что приравниваніе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры совершенно несправедливо и неосновательно, что они могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ формахъ и что отдѣленіе отъ церкви изъ-за той или иной формы ихъ совершенно неблагословно и неизвинительно.

Сдѣлаемъ мы это такимъ образомъ, что приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ извѣстные намъ примѣры существованія въ церкви разныхъ обычаевъ, а равно извѣстныя намъ свидѣтельства отцовъ и писателей о томъ, что обряды и обычаи имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ догматы вѣры, и что ихъ разнообразіе нисколько не нарушаетъ единства церкви.

Въ продолженіе первыхъ трехъ съ четвертью вѣковъ, до Никейскаго вселенскаго собора, церкви Малоазійскія (а въ продолженіе меньшаго перваго времени и многія другія церкви восточныя) праздновали Пасху несогласно съ церковію Римскою и другими западными церквами, именно—тогда какъ Римская церковь праздновала Пасху въ тотъ день, въ какой празднуемъ ее теперь мы, т. е. въ первое воскресеніе послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннее равноденствіе,—церкви Малоазійскія (съ другими восточными) праздновали ее въ одинъ день съ Іудеями, т. е. 14-го числа Еврейскаго мѣсяца Нисана, на какой бы день недѣли оно ни пало¹⁾. Въ концѣ втораго вѣка былъ поднятъ споръ объ этой разности и Римскій епископъ Викторъ (193—203) требовалъ было отъ епископовъ Малоазійскихъ принять западный обычай, а когда встрѣтилъ отъ нихъ (съ Поликратомъ, епископомъ Ефесскимъ во главѣ) рѣшительный отпоръ себѣ, то сво-

¹⁾ Объ этой разности въ празднованіи христіанами Пасхи до перваго вселенскаго собора говорятъ и прен. Іосифъ Волоколамскій въ статьѣ о вдовствующихъ попѣхъ, составляющей 79-ю главу Стоглавника.

ими грамотами объявилъ было ихъ лишенными общенія. „Но, говоритъ Евсевій Кесарійскій въ своей церковной исторіи, изъ которой мы сдѣлаемъ выписку относящагося до насъ ¹⁾—это не всѣмъ епископамъ нравилось; многіе изъ нихъ напротивъ совѣтовали ему позаботиться лучше о мирѣ, единеніи и любви съ ближними. Извѣстны и доннынѣ ихъ (епископовъ) посланія, въ которыхъ они сильно порицаютъ Виктора. Изъ числа сихъ посланій одно написано Иринею (Лионскимъ) отъ лица Галльскихъ, подчиненныхъ ему, братій. Въ немъ Иринею хотя и утверждаетъ, что таинство воскресенія Господня должно праздновать только въ день воскресный, однакожъ и Виктору, какъ должно, совѣтуетъ не отлучать отъ общенія цѣлыя церкви Божіи за то, что онѣ сохраняютъ преданный имъ древній обычай, и къ симъ словамъ присоединилъ слѣдующіе: „Разногласятъ не только объ этомъ днѣ, но и о самомъ образѣ поста (недѣли, предшествующей празднику Пасхи или страстной): ибо одни думаютъ, что должно поститься одинъ день, другіе—два, а иные больше. Такое различіе въ соблюденіи поста произошло не въ наше время, но гораздо прежде, у нашихъ предковъ, которые, вѣроятно, не соблюдали въ этомъ большой точности и простой частный свой обычай передавали потомству. Тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ они сохраняли миръ, и мы живемъ между собою въ мирѣ, и разногласіемъ касательно поста утверждается согласіе вѣры“²⁾, (*καὶ ἡ διαφωνία τῆς νηστείας τὴν ὁμόνοιαν τῆς πίστεως συνίστησι*). Къ этому Иринею присовокупилъ еще повѣствованіе, которое хорошо будетъ предложить здѣсь. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: „Пресвитеры, жившіе до Сотира и управлявшіе тою церковію, которою ты нынѣ управляешь, именно: Аникита, Пій, Игинъ, Телесфоръ и Ксизтъ, какъ сами не соблюдали этого обычая (Малоазійскаго) въ празднованіи Пасхи, такъ и своимъ не позволяли соблюдать его; не смотря однакоже на это несоблюденіе они тѣмъ не менѣе сохраняли миръ съ братіями, приходившими къ нимъ изъ тѣхъ церквей, въ которыхъ тотъ обычай былъ соблюдаемъ, хотя соблюденіе его для несоблюдавшихъ должно было казаться весьма страннымъ. За этотъ обычай никто и никогда не былъ отвергаемъ: напротивъ,

¹⁾ Выписку изъ Евсевія, равно какъ ниже выписки изъ Сократа и Созомена, сдѣлаемъ по русскому переводу Санктпетербургской Духовной Академіи.

²⁾ Мысль та, что если, не смотря на различіе въ отношеніи къ посту, у всѣхъ одна и таже вѣра, то изъ сего ясно, что установители разныхъ обычаевъ проповѣдывали вездѣ одну и ту же вѣру, и слѣдовательно—что эта единая вездѣ вѣра имѣетъ своимъ источникомъ единого Христа.

тѣ самыя, не соблюдавшіе его и предшествовавшіе тебѣ, пресвитеры посылали евхаристію братіямъ, приходившимъ изъ другихъ, соблюдавшихъ его, епархій. Когда блаженный Поликарпъ (Смирнскій) при Аникитѣ (167—175) приходилъ въ Римъ, то оба они и касательно другихъ предметовъ немного спорили между собою, но тотчасъ согласились, а объ этомъ вопросѣ и спорить не хотѣли: потому что ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Иоанномъ, ученикомъ Господа нашего, и обращаясь съ другими апостолами, ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ сохранять обычай предшествовавшихъ ему пресвитеровъ. Не смотря на такое состояніе дѣла, они однакожъ находились во взаимномъ общеніи, такъ что Аникита, по уваженію къ Поликарпу, позволилъ ему совершать (въ своей церкви) евхаристію, и оба они разстались въ мирѣ, равно какъ въ мирѣ со всею церковію находились и соблюдавшіе тотъ обычай и не соблюдавшіе“¹⁾.

Въ началѣ прошлаго вѣка было найдено нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ неизвѣстныхъ сочиненій какого-то Иринея, который съ весьма большою вѣроятностію принимается за св. Иринея Лионскаго. Одинъ отрывокъ, содержащій укоризны кому-то за споры о празднованіи праздниковъ, т. е. если дѣйствительно принадлежащій св. Иринею Лионскому, то представляющій собою отрывокъ изъ посланія Иринея къ папѣ Виктору,—того ли, выдержки изъ котораго приводитъ Евсевій, или другаго, читается: „Апостолы постановили, что не должно судить насъ въ пищѣ и питіи и за какойнибудь праздникъ или новомѣсячіе или субботы (Колосс. 2, 16). Итакъ, откуда эти брани, откуда раздѣленія? Мы празднуемъ, но въ квасѣ злобы и лукавства (1 Кор. 5, 8), разрывая церковь Божію, и наблюдаемъ внѣшнее, чтобы отвергнуть лучшее—вѣру и любовь (Мк. 23, 23). Мы слышали пророческія слова, что таковыя праздники и посты неуютны Господу“ (Исаи 58, 4)...²⁾

Въ третьемъ вѣкѣ церковь Карфагенская расходилась съ церковію Римскою относительно способа принятія еретиковъ въ нѣдра православія, именно—въ Карфагенѣ перекрещивали еретиковъ, а въ Римѣ принимали ихъ безъ перекрещиванія. Когда по нѣкоторому

¹⁾ Кн. V, гл. 24.

²⁾ Отрывки, найденные въ 1715-мъ году Тюбингенскимъ профессоромъ *Маттеемъ Пфаффомъ*, мы имѣемъ въ греческой Патрологіи *Константина Кондогана*, I, стр. 310.

поводу возбуждены были въ Кароагенѣ сомнѣнія относительно существовавшаго тамъ способа принятія еретиковъ и когда на двухъ соборахъ, 255-го и 256-го годовъ, подтвержденъ былъ древній обычай: то папа Стефанъ (257—260), узнавъ о рѣшеніяхъ соборовъ, писалъ къ св. Кипріану Кароагенскому повелительныя посланія требуя принятія римскаго обычая, и кончилъ тѣмъ, что прервалъ общеніе съ Кароагенскою церковію. Отъ одного изъ епископовъ, стоявшихъ на сторонѣ св. Кипріана, именно—Фирмилиана Кесаріи Каппадокійской, сохранилось посланіе къ нему (Кипріану), въ которомъ между прочимъ читаемъ: „И живущіе въ Римѣ (т. е. папа) не во всемъ соблюдаютъ то, что предано отъ начала; и напрасно кто нибудь сталъ бы претендовать на знаніе апостольскаго авторитета, основываясь на томъ, что видитъ у нихъ относительно дней празднованія Пасхи и относительно многихъ другихъ божественныхъ таинствъ нѣкоторыя разности и что не наблюдаютъ тамъ (въ Римѣ) одинаково всего, что наблюдается въ Иерусалимѣ, почему и въ другихъ весьма многихъ провинціяхъ многое, по различію мѣстъ и людей, пестрѣтъ разнообразіемъ (multa diversitate variantur), и однако изъ-за сего никогда не было отступаемо отъ мира и отъ единства католической церкви“¹⁾.

Самъ св. Кипріанъ на одномъ изъ соборовъ, созываемыхъ имъ для разсужденій о принятіи еретиковъ въ церковь, приглашалъ присутствовавшихъ епископовъ высказать свои мнѣнія такими словами: „Выскажемъ каждый объ этомъ предметѣ, что думаемъ, никого не осуждая или не устрояя кого нибудь, если думаетъ несогласное (съ другими), отъ права общенія; ибо никто изъ насъ не поставилъ себя епископомъ надъ епископами или не принуждаетъ товарищей своихъ тиранническимъ терроромъ къ необходимости послѣдованія (ему), поелику каждый епископъ, въ силу свободы и власти своей, имѣетъ собственное мнѣніе (подразумѣвается: относительно сего предмета) и какъ не можетъ быть судимъ отъ другаго, такъ и самъ не можетъ судить“...²⁾

Въ церквахъ восточныхъ въ продолженіи цѣлыхъ трехъ съ половиною столѣтій праздники Рождества Христова и Богоявленія Гос-

¹⁾ Въ Патрол. *Миня*, латинск. серія t. 3, col. 1159, §. VI.

²⁾ Въ изданіи *Bevergia Synodicon sive Pandectae canonum*, I, 368, также у *Бингма* въ *Origines sive Antiquitates Ecclesiasticae*, I, 122. Въ греческомъ переводѣ слова: каждый епископъ... читаются εἰς ἕκαστος ἐπίσκοπος ἐξουσίαν ἔχει πράττειν ἐλευθερίως, ἢ φρονεῖ.

подня были празднуемы въ одинъ день—6-го Января, и только въ началѣ второй половины IV вѣка принятъ былъ западный обычай праздновать Рождество Христова отдѣльно отъ Богоявленія,—25-го Декабря¹⁾. И однако изъ-за этой разности не было никакихъ споровъ между Востокомъ и Западомъ.

Василій Великій въ 1-мъ каноническомъ правилѣ своемъ, разсуждая о способахъ принятія въ церковь еретиковъ и раскольниковъ, говоритъ, что надлежитъ въ семъ случаѣ слѣдовать обычаю каждой страны.

Кароагенскій соборъ въ 81-мъ правилѣ своемъ, сдѣлавъ постановленіе о воздержаніи епископами, пресвитерами и діаконами отъ своихъ женъ, присоединяетъ къ постановленію оговорку: „но надлежитъ поступать по обычаю каждой церкви“.

Блаженный Иеронимъ († 420) въ одномъ посланіи своемъ пишетъ: „Преданія церковныя (особенно тѣ, которыя не вредятъ вѣрѣ) должно соблюдать такъ, какъ преданы отъ предковъ: не разрушать обычая однихъ противнымъ обыкновениемъ другихъ..., но пусть каждая область избыточествуетъ въ своемъ разумѣ (abundet in suo sensu,—водится своимъ разумомъ, поступаетъ по своему усмотрѣнію) и предписанія предковъ считаетъ законами апостольскими“²⁾.

Блаженный Августинъ († 430) въ одномъ посланіи своемъ пишетъ: „Въ сихъ вещахъ, относительно которыхъ ничего опредѣленнаго не постановило Божественное Писаніе, обычай народа Божія или установленія предковъ должны быть почитаемы закономъ. Если

¹⁾ У Григорія Богослова есть слово „на богоявленіе или на рождество Спасителя“, въ которомъ о самомъ праздникѣ говорится: нынѣ праздникъ Богоявленія или Рождества, ибо такъ или иначе называется день сей и два наименованія даются одному торжеству,—русск. перев. т. III, изд. 3 стр. 193—94. Іоаннъ Златоустый въ словѣ на Рождество Христова, сказанномъ въ Антиохіи около 380-го года говоритъ: „еще нѣтъ и десятиаго года, какъ день этотъ сдѣлался извѣстенъ и знакомъ намъ“,—по изд. *Монифокон*—II, 355 (само слово надписывается: Δόγος πανηγυρικὸς εἰς τὴν γενέθλιον ἡμέραν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀδηλον μὲν ἔτι τότε οὖσαν, πρὸ δὲ ὀλίγων ἐτῶν γνωρισθεῖσαν παρὰ τινῶν τῶν ἀπὸ τῆς Δύσεως ἐλθόντων καὶ ἀναγγειλάντων, т. е. Слово торжественное въ день рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, еще тогда (до тѣхъ поръ) бывший неизвѣстнымъ, но немного лѣтъ назадъ узанный отъ нѣкоторыхъ, пришедшихъ и возвѣстившихъ (о немъ), западныхъ).

²⁾ Въ Патрол. *Миня*, t. 22, col. 672 (ad Lucinium Boeticum); выписка у *Бингма* въ *Origines*, vol. VII, p. 52.

бы мы хотѣли спорить о нихъ и на основаніи обычая однихъ людей порицать другихъ людей, то родилась бы безконечная борьба, которая трудомъ словопренія не внушила бы (не доставила бы) никакихъ подлинныхъ документовъ истины; почему и должно опасаться, чтобы бурей препирательства не омрачить ясной погоды любви... Да будетъ одна вѣра по всей, всюду простирающейся, церкви, какъ бы внутри въ членахъ, хотя самое единство вѣры прославляется нѣкоторыми различными обыкновениями (etiam si ipsa unitas fidei quibusdam diversis observationibus celebratur ¹⁾), которыми нисколько не наносится ущерба тому, что есть истиннаго въ вѣрѣ. Ибо *вся красота дочери царевой внутри* (Псал. 44, 14), а оныя обыкновения, которыя состоятъ въ различныхъ празднованіяхъ, понимаются какъ ея одежда. Почему тамъ говорится: *ясны златыми одѣяна и преиспещрена*. Но и сія одежда пусть такъ разнообразится различными празднованіями, чтобы не быть разодранной враждебными спорами²⁾.

Въ другомъ посланіи своемъ блаженный Августинъ пишетъ: „Часто примѣчалъ я съ скорбію и болюю сердечною, что многія смущенія причиняются немощнымъ чрезъ спорливое упрямство или суетвѣрную боязливость нѣкоторыхъ братьевъ, которые въ вещахъ, относящихся къ тому роду, что ни на основаніи авторитета Священнаго Писанія, ни на основаніи преданія вселенской церкви, ни соображеніемъ пользы къ исправленію жизни не можетъ быть постановлено о нихъ опредѣленнаго рѣшенія, возбуждаютъ столько споровъ, такъ какъ не считаютъ ничего правильнымъ кромѣ того, что сами наблюдаютъ... Различно по разнымъ мѣстамъ и по странамъ наблюдаемое, какъ то: что одни постятся въ субботу, а другіе нѣтъ, что одни ежедневно приобщаются Тѣла и Крови Господней, а другіе принимаютъ ихъ въ извѣстные дни, что въ иныхъ мѣстахъ не пропускается ни одного дня, чтобы не совершалось приношенія, а въ другихъ—только въ субботу и въ воскресеніе, и если что другое сего рода можетъ быть указано³⁾, весь этотъ родъ (отдѣль обычаевъ) подлежитъ свободному соблюденію и не можетъ быть относительно сего лучшей дисциплины для настоящаго и мудраго христіанина, чтобы поступать

¹⁾ Мысль та же, что выше у ев. Иринея Лионскаго.

²⁾ Патрол. *Миня*, t. 33, coll. 136 и 146 (ad Casulanum nn. 2 и 22); выписка у *Бит.* въ *Origin.*, vol. VII p. 52.

³⁾ Въ посланіи, выдержку изъ котораго мы привели выше, блаж. Августинъ говоритъ, что обычай этого рода, т. е. въ разныхъ мѣстахъ разные, весьма многочисленны, такъ что трудно ихъ исчислить (enumerare difficile est).

такъ, какъ поступаютъ въ той церкви, въ которой ему случится быть. Ибо что ни возстаетъ ни противъ вѣры, ни противъ добрыхъ нравовъ, должно быть почитаемо за безразличное и должно быть соблюдаемо согласно съ тѣми, среди которыхъ живемъ (Quod enim neque contra fidem neque contra bonas mores injungitur, indifferenter habendum et pro eorum, inter quos vivitur, societate servandum est ¹⁾“.

Продолжатель Евсевія Кесарійскаго, церковный историкъ Сократъ, жившій въ послѣдней четверти IV—первой половинѣ V вѣка, пишетъ по поводу разности въ празднованіи Пасхи, о которой сказали мы выше: „Ни апостолы ни евангелисты не возлагали ига рабства на послѣдователей проповѣди евангельской, но чтить праздниекъ Пасхи и другіе праздничные дни предоставили признательности благодѣтельствованныхъ... Каждое христіанское общество, по областямъ, совершало воспоминаніе о спасительныхъ страданіяхъ, согласно принятому обычаю, когда хотѣло; ибо ни Спаситель ни апостолы не предписали намъ закономъ соблюдать это, равно какъ ни евангелие ни апостолъ не грозили осужденіемъ, наказаніемъ или проклятіемъ какъ угрожалъ Іудеямъ законъ Моисеевъ... Цѣль апостоловъ была не та, чтобы предписывать время праздниковъ, но чтобы дать руководство къ правой жизни и благочестію...“¹⁾ Послѣ рѣчей о разности времени въ празднованіи Пасхи Сократъ предлагаетъ краткія рѣчи вообще о разности обычаевъ въ разныхъ церквяхъ. Здѣсь у него читаемъ: „Съ самаго перваго взгляда легко замѣтить, что посты предъ Пасхою въ разныхъ мѣстахъ соблюдаются различно. Именно, въ Римѣ предъ Пасхою постятся непрерывно три недѣли, кромѣ субботы и дня Господня. А въ Иллири, во всей Греціи и Александрии держать постъ шесть недѣль до Пасхи и называютъ его сорокадневіемъ. Другіе же начинаютъ поститься за семь недѣль до праздника, и хотя, исключая промежутки, постятся только три пятидневія, однако свой постъ называютъ также сорокадневіемъ... Разногласіе касается не только числа постныхъ дней, но и повятія о воздержаніи отъ яствъ, потому что одни воздерживаются отъ употребленія въ пищу всякаго рода животныхъ, другіе изъ всѣхъ одушевленныхъ употребляютъ только рыбу, а нѣкоторые вмѣстѣ съ рыбою ѣдятъ и птицъ, говоря, что птицы, по сказанію Моисея, произошли также изъ воды. Одни воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ, другіе

¹⁾ У *Миня* ibidd., col. 200—201 (ad Jannuarium, nn. 2 и 3); выписка у *Бит.* ibidd., p. 41.

питаются только сухимъ хлѣбомъ, нѣкоторые и того не приимають, а иные, постясь до десятаго часа, вкушаютъ потомъ всякую пищу. Такимъ образомъ, у разныхъ племенъ бываетъ различно и представляются на то безчисленныя причины. И такъ какъ никто не можетъ указать на письменное касательно сего повелѣніе, то явно, что апостолы предоставили все это волѣ и выбору каждаго, чтобы всякій дѣлалъ доброе не по страху и принужденію. Таково по церквамъ разногласіе въ разсужденіи постовъ. Есть также различіе и въ церковныхъ собраніяхъ. Тогда какъ всѣ церкви въ мірѣ совершаютъ тайны и въ день субботній каждой недѣли, Александрійцы и Римляне, на основаніи какого-то древняго преданія, не хотятъ дѣлать этого; а сосѣди Александрійцевъ Египтяне и жители Оиваиды, хотя дѣлаютъ собранія въ субботу, но принимаютъ тайны не тогда, какъ это бываетъ вообще у христіанъ, но приносятъ жертву и приобщаются тайнъ уже по насыщеніи всякими яствами, около вечера... Указавъ и еще на разности въ отношеніи къ церковнымъ собраніямъ, Сократъ говоритъ въ заключеніе: „Вообще между всѣми обществами вѣрныхъ едва ли можно найти и двѣ церкви, которыя въ совершеніи молитвъ были бы вполне согласны одна съ другою“. И потомъ о разностяхъ между церквами въ обычаяхъ: „Трудно, даже невозможно, описать всѣ церковныя обычаи, соблюдаемые въ разныхъ городахъ и областяхъ“...¹⁾.

Другой церковный историкъ, Созоменъ, писавшій вслѣдъ за Сократомъ, говоритъ о различіи обычаевъ въ церквахъ по поводу тѣхъ же споровъ о празднованіи Пасхи: „Мнѣ кажется, что Викторъ (нужно: Аникита) епископъ Римскій и Поликарпъ Смирнскій весьма мудро рѣшили возникшій въ древности объ этомъ споръ: ибо когда западные іереи думали, что не должно уничтожать преданія Петра и Павла, а Азійскіе утверждали, что надобно слѣдовать евангелисту Іоанну, то упомянутые епископы съ общаго согласія опредѣлили, чтобы тѣ и другіе, празднуя Пасху по своему обычаю, не отдѣлялись отъ взаимнаго общенія. Они весьма справедливо думали, что безумно было бы христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣры, раздѣляться между собою изъ-за обычаевъ, ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однимъ и тѣмъ же по всему сходныхъ преданій. Извѣстно, что въ Скиѣи много городовъ, но у всѣхъ Скиѣовъ одинъ епископъ, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ священствуютъ епископы иногда и въ селеніяхъ...

¹⁾ Церк. ист. кн. V, гл. 22.

Діаконовъ у Римлянъ еще и донынѣ не болѣе семи, потому что Римляне имѣютъ въ виду число рукоположенныхъ апостолами, между которыми находился первомученикъ Стефанъ, а у другихъ число ихъ неопредѣленно. Сверхъ того, въ Римѣ каждый годъ только однажды поютъ аллилуіа, именно—въ первый день пасхальнаго праздника, такъ что многіе Римляне даже клянутся тѣмъ, чтобы имъ сподобиться услышать или пѣть эту пѣснь. Тамъ же ни епископъ ни другой кто не говоритъ въ церкви поученій, а у Александрійцевъ проповѣдуетъ одинъ только городской епископъ,—обычай, котораго прежде не было и который вошелъ, говорятъ, съ того времени, какъ Арій, будучи пресвитеромъ, началъ бесѣдовать о предметахъ вѣры и вводитъ новости. У Александрійцевъ странно и то, что при чтеніи евангелія епископъ не встаетъ, чего у другихъ я не видѣлъ и не слыхалъ. Тамъ эту святую книгу читаетъ одинъ архидіакопъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ діаконъ, а во многихъ церквахъ одни священники, въ знаменитые же праздники епископы, какъ напр. въ Константинополѣ въ первый день Пасхи... Далѣе Созоменъ говоритъ подобное тому, что читается у Сократа, о различіи въ разныхъ мѣстахъ обычая въ отношеніи къ посту четыредесятницы, и потомъ: „Не всѣ также совершаютъ однѣ и тѣ же молитвы и псалмопѣнія или чтенія и не въ одно и то же время... По городамъ и селеніямъ много и другихъ обычаевъ, свято соблюдаемыхъ воспитанными въ нихъ людьми, изъ уваженія къ лицамъ, которые вначалѣ предали ихъ или впоследствии сохраняли“...¹⁾.

Папа Григорій Великій, извѣстный у насъ подъ именемъ Двоеслова и Бесѣдовника (590—604), въ посланіи къ одному испанскому епископу пишетъ: „При единой вѣрѣ нисколько не вредитъ святой церкви различный обычай (in una fide nihil officit sanctae ecclesiae consuetudo diversa²⁾), и потомъ въ посланіи къ крестителю Англовъ епископу Августину пишетъ: „Мнѣ желательно, чтобы ты заботливо избиралъ, если въ Римской или Галльской или въ какой либо церкви нашолъ нѣчто, что можетъ быть наиболѣе угоднымъ всемогущему Богу, и чтобы въ церкви Англовъ, которая еще нова въ вѣрѣ, вливалъ (насаждалъ) посредствомъ нарочитаго наставленія, что могъ ты собрать во многихъ церквахъ. Ибо должно любить не вещи ради мѣстъ, но мѣста ради добрыхъ вещей. Итакъ, въ отдѣльныхъ какихъ

¹⁾ Церк. ист. кн. VII, гл. 19.

²⁾ Въ Патрол. *Миня* t. 77, col. 497 fin (ad Leandrum); выписка у *Битт.* въ Origin., vol. VII, p. 53.

бы то ни было церквахъ выбирай то, что благочестиво, что свято, что надежно, и это, соединивъ какъ бы въ связку, полагай въ умахъ Англовъ, какъ обычай"...¹⁾

Извѣстный греческій лѣтописецъ Георгій Амартолъ, которымъ пользовался нашъ русскій первоначальный лѣтописецъ, сказавъ о происхожденіи частнаго обычая Римской церкви поститься въ субботу, прибавляетъ: „и другія нѣкоторыя церкви хранятъ различные обычаи, какъ пишутъ историки“, и потомъ, приведши рѣчи историковъ (Созомена), замѣчаетъ о своемъ времени: „нынѣ же наиболеею частію произошла въ обычаяхъ перемѣна“²⁾.

Патріархъ Константинопольскій Фотій въ посланіи къ папѣ Римскому Николаю, написанномъ въ 861-мъ году съ цѣлю защитить его—Фотія поставленіе въ патріархи, говоритъ о различіи обычаевъ въ разныхъ церквахъ: „Каждый содержится и управляется собственнымъ уставомъ и правиломъ. Многія правила однимъ преданы, а другимъ даже и неизвѣстны; принявшій и нарушающій подлежитъ наказанію, а не знающій или не принявшій какъ будетъ отвѣтственъ? Многія законоположенія были соблюдены тѣми, кому были положены, и показали хранителей (ихъ) слугами Божиими; по и не получавшіе (законоположеній), а поэтому даже не обращавшіе къ нимъ ума (не думавшіе о нихъ), тѣмъ не менѣе познаны какъ боголюбезные... И подлинно, есть общее всѣмъ, что необходимо всѣмъ хранить, и преимущественно предъ другимъ то, что относится къ вѣрѣ, гдѣ и малое уклоненіе значитъ согрѣшать смертнымъ грѣхомъ. Но есть и отдѣльно касающееся нѣкоторыхъ, нарушеніе чего тѣми, кому дано для соблюденія, подлежитъ осужденію, а кѣмъ не принято, тѣми и несоблюденіе не подлежитъ осужденію. И установленное вселенскими и общими приговорами надлежитъ соблюдать всѣмъ, а что изложилъ кто либо изъ отцевъ отдѣльно или опредѣлилъ помѣстный соборъ, то не сдѣлаетъ болѣе благочестивою мысль хранящихъ и несоблюденіе того не будетъ опаснымъ для непринявшихъ“³⁾.

Ееофилактъ, архіепископъ Болгарскій, составитель извѣстнаго Благовѣстника, жившій во второй половинѣ XI—началѣ XII вѣка, говоря о разностяхъ между греческою и латинскою церквами, выска-

¹⁾ У *Миня* *ibid.*, col. 1187; выписка у *Бин.* *ibidd.*

²⁾ По изд. *Муральта* р. 277—278.

³⁾ По изданію посланій Фотія, сдѣланному *Валеттой*, Lond., 1864, стрр. 153 *fin.*—155.

зываетъ положеніе, что „не всякій обычай имѣетъ силу раздѣлять церкви, но только тотъ, который ведетъ къ различію въ догматахъ“ (*οὐ πᾶν ἔθος ἀποσχίζει ἐκκλησίας ἰσχύει, ἀλλὰ τὸ πρὸς διαφορὰν ἄγων δόγματος* ¹⁾).

Извѣстный толкователь канонѳ церковныхъ Іоаннъ Зонара, написавшій свои толкованія въ 1120-мъ году, говоритъ въ толкованіи на 11-е правило Лаодикійскаго собора, которымъ запрещается поставлять въ церкви такъ называемыхъ пресвитеридѳ: „Бяжу въ древнихъ (у древнихъ),—приводимъ слова по славянскому переводу, читаемому въ Іосифовской Кормчей,—нѣдці обычаи, въ церквахъ бываеміи, отъ нихже убо временемъ ови забвени быша, иніи же отнюдѳ престаша, другія же правила отсѣкоша“. А въ толкованіи на 19-е правило того же собора, въ которомъ говорится о подаваніи мира на литургіи или о цѣлованіи между собою присутствовавшихъ на богослуженіи, замѣчаетъ: „Еже нынѣ не бываетъ, угразднбося, яко и иная многа, творимая прежде“.

Выше мы привели свидѣтельства св. Иринея Ліонскаго, Сократа и Созомена о большемъ разнообразіи, существовавшемъ въ древнее время, относительно того, сколько времени и какъ соблюдать постъ четырехдесятницы. Что касается до прочихъ трехъ годовыхъ постѳ, то относительно нихъ существовало очень большое разнообразіе не менѣе, какъ до первой половины XV вѣка²⁾. Одни соблюдали эти посты, другіе не только не соблюдали, но даже и укоряли соблюдавшихъ; одни соблюдали ихъ всѳ три, другіе не всѳ; въ отношеніи къ продолженію одни соблюдали ихъ такъ, какъ это нынѣ, другіе сокращали до двѣнадцати дней, до шести, до четырехъ и даже до одного³⁾.

Итакъ, вотъ что такое суть обряды и обычаи церковные по ученію древнихъ отцевъ церкви и писателей церковныхъ и что такое они были въ практикѣ древней церкви.

1. Апостолы не заботились объ установленіи обычаевъ церковныхъ, предоставляя устанавливать ихъ самимъ вѣрующимъ разныхъ мѣстѳ.

2. Если же устанавливали обычаи, то не по соглашенію другъ съ другомъ, такъ чтобы установленные ими обычаи были единообразны, а каждый самъ по себѣ и разнообразно.

¹⁾ Въ Сянтагидѳ канонѳ *Ралли* и *Потли*, V, 432.

²⁾ См. Апологію Григорія Маммы противъ Марка Ефесскаго въ *Патрол. Миня*, t. 160, col. 140.

³⁾ См. моей *Исторіи русской церкви* т. I, втор. полов., стр. 399.

3. Обычаи, установленные апостолами, послѣ были отмѣняемы (установленный ап. Иоанномъ Малоазійскій обычай празднованія Пасхи).

4. Изъ-за различія обычаевъ церкви не раздѣлялись между собою, а предстоятели церквей, хотѣвшіе производить изъ-за нихъ раздѣленіе, были сильно порицаемы за это.

5. Въ разныхъ частныхъ церквахъ обычаи были весьма разнообразны.

6. Въ однѣхъ и тѣхъ же частныхъ церквахъ и вообще во всей церкви обычаи съ теченіемъ времени подвергались измѣненію.

Изъ сказаннаго ясно, что обычаи церковные представляютъ собою нѣчто совсѣмъ отличное отъ догматовъ вѣры, что тогда какъ послѣдніе всегда едины и неизмѣнны, они (обычаи) могли быть и были разные, могли съ теченіемъ времени измѣняться и дѣйствительно измѣнялись. Изъ сказаннаго ясно, что по отношенію къ обычаю слагать персты для крестнаго знаменія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы съ теченіемъ времени онъ нѣсколько разъ измѣнялся въ своей формѣ, а по отношенію къ обычаю возглашать чѣснь аллилуія очень могъ имѣть мѣсто тотъ случай, чтобы онъ одновременно существовалъ въ нѣсколькихъ формахъ. Оба случая дѣйствительно имѣли мѣсто, и благодаря этому-то и произошло наше разрозненіе съ Греками въ отношеніи къ одному и другому обычаю: у нихъ принято было къ общему единообразному употребленію троеперстіе, а у насъ было принято къ такому же употребленію предшествующеему по времени двоеперстіе; у Грековъ стало господствующимъ троеніе чѣсни аллилуія, а у насъ было принято къ общему употребленію существовавшее одновременно съ нимъ двоеніе чѣсни.

Изъ сказаннаго съ ясностію видно, что наше разрозненіе съ Греками въ отношеніи къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія и чѣсни аллилуія означало не то, будто позднѣйшіе Греки утратили чистоту православія древнихъ Грековъ, а нѣчто совсѣмъ другое, нисколько не касавшееся чистоты православія позднѣйшихъ Грековъ, которой они на самомъ дѣлѣ не утрачивали.

Но въ заключеніе всего старообрядцы могутъ сказать, что вышеприведенныя наши рѣчи о значеніи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ говорятъ не противъ нихъ за насъ, а наоборотъ противъ насъ за нихъ. Если разность между частными церквами въ обрядахъ и обычаяхъ совершенно допустима: то будетъ слѣдовать, что при существованіи передъ Никономъ нѣкоторой разности въ обрядахъ и обычаяхъ между греческою и русскою церквами вовсе не было нужды въ его—Никономъ исправленіи обрядовъ и обычаевъ. На это воз-

можно возраженіе старообрядцевъ мы уже отвѣчали прежде (въ статьѣ: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, напечатанной въ Мартовской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1892-й годъ). Если бы Русская церковь была происхожденія апостольскаго и вообще древняго и сама установила свои обычаи: тогда она имѣла бы полное право соблюдать ихъ (насколько бы они не были отмѣнены властію вселенской церкви). Но мы—Русскіе заимствовали вѣру, а съ вѣрою готовые обряды и обычаи, въ позднѣйшее время отъ Грековъ и поэтому всегда считали своею обязанностію быть съ ними въ полномъ согласіи относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться именно тѣхъ самыхъ обрядовъ и обычаевъ, которыхъ держатся они. Этого положенія, что мы—Русскіе должны быть согласны съ Греками относительно обрядовъ и обычаевъ или держаться однихъ и тѣхъ же съ ними обрядовъ и обычаевъ, вовсе не отрицаютъ и старообрядцы. Но они несправедливо считаютъ позднѣйшихъ Грековъ утратившими чистоту православія древнихъ Грековъ. Если же позднѣйшіе Греки православны, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, то мы и должны находиться въ согласіи съ ними относительно обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Сознавъ несправедливость составившагося у насъ мнѣнія о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они утратили чистоту православія древнихъ Грековъ, Никонъ на основаніи или по требованію сейчасъ указаннаго положенія и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и обычаевъ. А изъ этого ясно и видно, что его исправленіе обрядовъ и обычаевъ было вполнѣ благословно.

III.

Дониконовскіе предки наши заподозрили позднѣйшихъ Грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія древнихъ Грековъ вслѣдствіе того, что мы—Русскіе нѣсколько разрознились съ этими Греками въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Но когда оказалось, что и богослужебныя книги наши не совершенно согласны съ книгами греческими, то, имѣя уже убѣжденіе о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ, и о позднѣйшихъ богослужебныхъ греческихъ книгахъ у насъ начали думать, будто онѣ повреждены, именно—будто ихъ повредили, о чемъ говорили мы выше, венеціанскіе типографы. О несправедливости этого послѣдняго увѣренія или утвержденія мы уже сказали. Но должно показать въ полемикѣ съ старообрядцами, какъ могла произойти эта разность между книгами славянскими и греческими, не означающая поврежденія ни однѣхъ книгъ ни другихъ.

Если бы представлять себѣ дѣло о чинахъ богослуженія такъ, что они въ полномъ и законченномъ видѣ даны апостолами, съ тѣмъ, чтобы навсегда потомъ оставаться неизмѣнными: то, конечно, разность богослужебныхъ книгъ греческихъ и нашихъ славянскихъ означала бы, что въ которыхъ-то изъ нихъ допущены погрѣшности. Но въ дѣйствительности дѣло съ чинами богослужебными было не такъ. Богослуженіе постепенно слагалось у Грековъ въ теченіе очень долгаго времени и имѣло очень большое помѣстное разнообразіе, которое и выразилось въ богослужебныхъ греческихъ книгахъ. Разнообразіе въ чинахъ богослуженія изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги и продолжалось въ однѣхъ и другихъ книгахъ до начала у Грековъ и у насъ книгопечатанія, которое у нихъ и у насъ должно было ввести единообразіе. Но у насъ началось книгопечатаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установленіе единообразія въ богослужебныхъ книгахъ, когда уже составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ Грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ. А поэтому у насъ и устанавливали единообразіе независимо отъ Грековъ, вовсе не обращая къ нимъ съ справками о томъ, какое они установили у себя единообразіе. Но при такомъ способѣ веденія дѣла совершенно естественно было случиться тому, чтобы единообразіе, установленное нами, оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія, установленнаго у себя Греками, или чтобы оказалась нѣкоторая разность между греческими печатными богослужебными книгами и нашими таковыми же книгами времени дониконовскаго.

Сообщимъ кратко свѣдѣнія о постепенномъ образованіи и долговременномъ разнообразіи литургіи и прочихъ общественныхъ службъ ¹⁾.

¹⁾ Для обстоятельнаго знакомства съ дѣломъ см. книги, указанныя въ статьѣ: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, напечатанной въ февральской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1892-й годъ, стр. 306 прим., и вромѣ того еще: *Н. О. Красносельцева* Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ (греческихъ и славянскихъ) Ватиканской бібліотеки, съ замѣчаниями о составѣ и особенностяхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, въ нихъ содержащихся, и съ приложениями, Казань, 1885, *его же* Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоустаго, вып. I, Казань, 1889, *его же* Къ исторіи православнаго богослуженія, — матеріалы и изслѣдованія по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, Казань, 1889; *С. Д. Муретова* Историческій очеркъ чинопослѣдованія проскомидіи до „устава литургіи“ Константинопольскаго патріарха Филоея, Москва, 1895, *его же* Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургіи, Сергіевъ Посадъ, 1895.

Литургія есть общественная служба, на которой совершается таинство евхаристіи или приносятся Тѣло и Кровь Христовы. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургіи, а таинство евхаристіи совершалось такъ, какъ совершилъ его самъ Спаситель, т. е. безъ предшествующей службы прямо предлагались хлѣбъ и вино, которые краткими молитвами благословлялись и предлагались въ Тѣло и Кровь Христовы и затѣмъ преподавались вѣрующимъ для вкушенія и питія ¹⁾. Къ концу вѣка апостольскаго явились литургіи, ибо преданіемъ усвоется ихъ составленіе нѣкоторымъ изъ апостоловъ (литургія ап. Іакова, литургія еванг. Марка ²⁾). Что такое были эти апостольскія литургіи, остается совершенно неизвѣстнымъ, такъ какъ въ своемъ подлинномъ или первоначальномъ видѣ онѣ не дошли до насъ. Софроній Іерусалимскій говоритъ о нихъ, что образъ совершенія таинства евхаристіи во всѣхъ ихъ былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же, но что въ молитвахъ и возглашеніяхъ онѣ различались между собою, поелику каждый апостольскій составлялъ литургію для того

¹⁾ Что въ первые, тѣ или иные, годы апостольскаго времени не было литургіи, это видно изъ словъ ап. Павла въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. II, стт. 20 и 21. Если бы существовала литургія, какъ служба, то она предвѣряла бы совершеніе таинства евхаристіи, а между тѣмъ у апостола мы видимъ, что таинство евхаристіи предвѣрялось вечерію любви. И по *Δὲ ἀρχὴ τῶν ὁδοῦ ἀποστόλων* (Ученіе двѣнадцати апостоловъ) евхаристія совершалась безъ всякой службы, единственно съ краткими молитвами предъ благословеніемъ чаши и предъ преломленіемъ хлѣба и съ краткою молитвою послѣ приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ, см. въ Правосл. Обозр. 1886 г. т. II, стрр. 507—509, гл. 9 и 10. Греческій писатель начала XII вѣка Іоаннъ Фурій въ одномъ трактатѣ, посвященномъ исторіи богослуженія, говоритъ: „И благословенный хлѣбъ освящается отъ апостоловъ только оными словами: „сіе есть тѣло Господа нашего Іисуса Христа, которое преломляется для васъ во оставленіе грѣховъ“, какъ приняли они отъ самаго Учителя, безъ чинѣшняго священно-овершительнаго послѣдованія призываній, которыя, частію изъ пророческихъ, частію изъ апостольскихъ и евангельскихъ выраженій, и священныхъ молитвъ, произносятся предъ освященіемъ и послѣ“, см. у *архим. Арсенія* въ Лѣтописи церковныхъ событій, 2 изд. стр. 416.

²⁾ Если бы усвоить точность показанію Плинія въ письмѣ къ импер. Траяну, то слѣдовало бы думать, что явились не вездѣ, ибо Плиній, сказавъ о собраніяхъ христіанъ въ опредѣленный день (воскресный) для утренней молитвы, объ ихъ вторичныхъ собраніяхъ для совершенія таинства евхаристіи выражается: *rursusque (sunt soliti) sociandi ad capiendum cibum*, и опять собираются для принятія пищи.

народа, къ которому былъ назначенъ, независимо отъ другихъ апостоловъ¹⁾. Первая обстоятельная свѣдѣнія о литургіи находимъ въ апологіи Іустина мученика къ импер. Антонину, которая написана въ 150-мъ году. У св. Іустина читается о литургіи его времени слѣдующее: „Въ такъ называемый день солнца (т. е. воскресный) бываетъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ живущихъ по городамъ и селеніямъ и читаются сказанія апостоловъ или писанія пророковъ, сколько оказывается возможнымъ; потомъ, когда чтець перестанетъ, предстоятель посредствомъ слова дѣлаетъ увѣщаніе и приглашеніе къ подражанію симъ добрымъ (мужамъ, образцамъ); затѣмъ встаемъ всѣ вмѣстѣ и возсылаемъ молитвы; и когда окончимъ молитвы, приносятся хлѣбъ и вино и вода и предстоятель равнымъ образомъ возсылаетъ молитвы и благодаренія, сколько можетъ (сколько его сила, — *ὅσῃ δυνάμει αὐτοῦ*), а народъ выражаетъ свое одобреніе, говоря: аминь; и бываетъ раздаяніе каждому и причащеніе (даровъ), надъ которыми совершенно благодареніе, а къ неприсутствовавшимъ они посылаются съ диаконами“²⁾. Послѣ образца литургіи половины II вѣка знаемъ образецъ литургіи конца III вѣка, читаемый во 2-й книгѣ Постановленій апостольскихъ (гл. 57). Составъ этой второй литургіи есть слѣдующій: 1) чтець на какомъ нибудь возвышеніи читаетъ Священное Писаніе Ветхаго Завета; 2) послѣ двухъ чтеній (*ἀνὰ δύο γεινομένων ἀναγνώσματων*) кто нибудь другой поетъ Давидовъ псаломъ, а народъ подпѣваетъ концы (*τὰ ἀκρόστιχα*); 3) читается апостоль, а послѣ апостола читается евангеліе (во время чтенія котораго всѣ стоятъ); 4) пресвитеры обращаются съ увѣщаніемъ къ народу, — одинъ за другимъ, а не всѣ вмѣстѣ, а послѣ всѣхъ тоже дѣлаетъ епископъ; 5) всѣ вмѣстѣ встаютъ и по выходѣ оглашенныхъ и кающихся молятся на востокъ Богу, возшедшему на небо небесное; 6) диаконъ, предстоящій архіерею, обращается съ увѣщаніемъ къ народу, чтобы никто не имѣлъ противъ кого, чтобы никто — въ лицемѣрїи, и бываетъ лобызаніе мужчинъ съ мужчинами и женщинъ съ женщинами; 7) диаконъ молится о всей церкви и о всей вселенной, о плодахъ (плодоношеніи), объ іереяхъ и начальникахъ, объ архіереѣ и царѣ и о всеобщемъ мирѣ; 8) архіерей молится о мирѣ народа и благословляетъ его; 9) бываетъ жертва въ предстояніи всего, тихо молящагося, народа, и когда будетъ она принесена, всѣ причащаются³⁾.

¹⁾ Въ толкованіи литургіи, см. въ Патрол. *Миня* t. 87, col. 3981 п. 4.

²⁾ Апологіи гл. 67, у *Миня* въ 6-мъ томѣ.

³⁾ Въ Патрол. *Миня* t. I, col. 724, sqq, въ изданіи *Питра*: *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*, t. I, p. 233 sqq

Сохранившіяся до насъ и переданныя нами извѣстія о литургіяхъ половины II-го и конца III-го вѣковъ показываютъ, чѣмъ была литургія въ половинѣ II и въ концѣ III вѣка въ отношеніи къ своему общему составу; что же касается до частныхъ, то должно быть предполагаемо большое ихъ разнообразіе и большая ихъ неустойчивость: за исключеніемъ образа совершенія таинства евхаристіи, который, какъ говоритъ Софроній Іерусалимскій, твердо установленъ былъ еще во времена апостольскія, все остальное находилось въ полномъ распоряженіи настоятеля каждой отдѣльной церкви или епископа. Конечно, далеко не всѣ епископы пользовались своимъ правомъ составлять себѣ свои собственныя литургіи, такъ какъ не у всѣхъ могло хватать на это и умственныхъ средствъ и такъ какъ многіе могли не находить въ этомъ никакой нужды. Но если допустить, что каждая частная церковь имѣла одну собственную литургію: то и тогда разнообразіе въ частностяхъ будетъ необыкновенно большимъ. Послѣ того какъ явилась въ церковномъ управленіи централизація и образовались митрополичьи или митрополитанскіе округа, епископи, нѣтъ сомнѣнія, начали усвоить себѣ литургіи своихъ митрополій: ¹⁾ но и число митрополій было очень велико. Что и дѣйствительно было написано большое число литургій, не говоря о литургіяхъ, сохранившихся безъ письмени, это подтверждаетъ св. Прокль, патріархъ Константинопольскій († 446 или 447 г.), который въ своемъ словѣ о преданіи божественной литургіи говоритъ: „многіе божественные пастыри и учителя церкви, преемствовавшіе священнымъ апостоламъ, оставивъ письменное изложеніе таинственной литургіи, предали (его) церкви“²⁾. И это же говорятъ, какъ мы видѣли выше, церковные историки Сократъ и Созоменъ.

Ко второй половинѣ IV вѣка литургіи достигли такой обширности, что Василій Великій († 379) и Іоаннъ Златоустый († 407), снисходя къ человѣческой слабости своихъ пасомыхъ, тяготившихся продолжительностію службы, сократили литургіи, употреблявшіяся въ ихъ церквахъ, приготовивъ свои ихъ редакціи³⁾. Какъ принадлежавшія знаменитымъ отцамъ церкви, литургіи Василя Великаго и Іоанна Златоустаго постепенно начали входить въ общее употребленіе, вы-

¹⁾ На Западѣ это прямо было предписываемо, см. *Вингана* Origines, vol. V, p. 114.

²⁾ Въ Патрол. *Миня* t. 65, col. 849.

³⁾ Одна изъ обширныхъ литургій, предшествующихъ Василю Великому, читается въ 8-й книгѣ Постановленій апостольскихъ, гл. 6—15.

тѣсная мѣстная, дотолѣ бывшія въ разныхъ церквахъ, литургіи. Такимъ образомъ, появленіе литургій Василия Великаго и Іоанна Златоустаго составило эпоху въ исторіи литургій, замѣнивъ очень большое количество ихъ лишь двумя. Однако, не случилось и того, чтобы на будущее время начали существовать и быть употребляемыми въ церквахъ только двѣ совершенно единообразныя литургіи. Литургіи начали существовать только двѣ ¹⁾, но не такъ, чтобы каждая изъ нихъ сохраняла полное единообразіе во всѣхъ церквахъ и во всѣхъ употреблявшихся церквами ихъ спискахъ, а такъ, чтобы въ церквахъ и по употреблявшимся въ нихъ спискамъ каждая изъ нихъ получила болѣе или меньшее разнообразіе въ частностяхъ. Литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоустаго принимаемы были въ общее употребленіе, но при этомъ принимавшіе ихъ въ употребленіе представители разныхъ церквей позволяли себѣ относиться къ нимъ съ нѣкоторою свободою: кое-что вносили въ нихъ изъ прежнихъ литургій, кое-что измѣняли по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, та и другая литургія болѣе или менѣе и оразнообразились по частнымъ церквамъ. Дальнѣйшее ихъ разнообразіе производили писцы рукописей, которые на основаніи нѣсколькихъ несогласныхъ списковъ литургій составляли свои новыя ихъ редакціи. Во второй половинѣ XIV вѣка Константинопольскій патріархъ Филоеѣй, бывъ, вѣроятно, побуждаемъ желаніемъ ввести въ литургіяхъ единообразіе, приготовилъ было свою ихъ редакцію. Однако, и эта редакція Филоеѣева вовсе не положила конца разнообразію литургій, которое оставалось до самаго начала книгопечатанія.

Разнообразіе литургій, существовавшее у Грековъ, перешло въ болѣе или меньшей степени и въ наши славянскія рукописи и у насъ самихъ должно было умножиться отъ того, что писцы нашихъ рукописей, подобно писцамъ греческимъ, изъ разныхъ, несогласныхъ между собою, списковъ литургій составляли новыя редакціи послѣднихъ. Чтобы ознакомиться съ разнообразіемъ славянскихъ списковъ литургій, должно читать тотъ томъ Описанія славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки, принадлежащаго покойнымъ А. В.

¹⁾ Это должно быть сказано, впрочемъ, съ оговоркой. Изъ вопросовъ Марка, патріарха Александрійскаго, къ Теодору Вальсамону, относящихся къ 1203-му году, видно, что въ предѣлахъ Іерусалимскихъ и Александрійскихъ даже до того времени были въ употребленіи литургіи апостола Іакова и евангелиста Марка,— у *Ралли* и *П.* IV, 448.

Горскому и К. И. Невоструеву, въ которомъ содержится описаніе книгъ богослужбныхъ (№ 342 и слѣдующіе).

О прочихъ общественныхъ службахъ мы не можемъ сообщить послѣдовательныхъ свѣдѣній, что впрочемъ для нашей цѣли и не нужно. Въ первые, тѣ или иные, годы времени апостольскаго не было литургіи: но совершать общественную молитву христіане, разумѣется, начали съ самаго перваго времени, какъ о томъ и свидѣтельствуется книга Дѣяній апостольскихъ, — 2, 42. Христіане изъ Іудеевъ первоначально молились вмѣстѣ съ Іудеями въ ихъ храмѣ и ихъ синагогахъ (Дѣян. 2, 46; 3, 1; 21, 20), а христіане изъ язычниковъ, какъ, вѣроятно, потомъ и христіане изъ Іудеевъ, имѣли общественное богослуженіе только первому времени свойственное и отличное отъ послѣдующаго, по присутствію въ церкви апостольской особыхъ, сверхъестественныхъ, дарованій,—1 Коринѣ. 14, 26 (Колосс. 3, 16; Ефес. 5, 19). Спустя много времени послѣ вѣка апостольскаго мы находимъ три класса иныхъ общественныхъ службъ кромѣ литургіи, именно: службы церквей каѳедрально-епископскихъ, службы церквей приходскихъ и службы монастырей ¹⁾, при чемъ дѣло относительно ихъ появленія должно быть представляемо такъ, что сначала явились службы церквей каѳедрально-епископскихъ, что когда отдѣлились отъ каѳедрально-епископскихъ церквей приходскія церкви, явились службы сихъ послѣднихъ, и что наконецъ явились службы монастырей, которыя, какъ вѣроятно думать, первоначально взяты были монахами у приходскихъ церквей, но потомъ были разширены и умножены ²⁾. Въ продолженіе неизвѣстнаго времени до начала XIII вѣка службы церквей каѳедрально-епископскихъ вышли изъ употребленія и остались службы церквей приходскихъ и монастырей ³⁾. То или иное отношеніе имѣли службы приходскихъ церквей къ службамъ монастырей въ древнее время, но въ позднѣйшее время онѣ являются сокращеніемъ вторыхъ службъ, такъ что во всѣхъ церквахъ службы

¹⁾ См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов. стр. 299 sqq.

²⁾ Въ Греціи европейской и азіатской приходскія церкви явились, кажется, уже послѣ появленія монастырей, но въ Греціи африканской, — въ Египтѣ, какъ дастъ знать Епифаній,—*Haeres. LXIX, Arian. c. 1* (у *Бингэма* въ *Origines*, III, 598), онѣ явились ранѣе монастырей. И у монаховъ египетскихъ дѣйствительно было общественныхъ службъ, подобно тому, какъ въ приходскихъ церквахъ, только двѣ,—вечерня и утреня, см. Кассіана у *Бингэма* *ibid.*, V, 303, у *П. С. Казанскаго* въ Исторіи монашества, I, 137.

³⁾ См. въ нашей Исторіи *ibid.*, стр. 300 sqq.

стали однѣ и тѣже, только въ однѣхъ церквахъ—въ полномъ видѣ, въ другихъ церквахъ—въ болѣе и менѣе сокращенномъ видѣ. А слѣдовательно, у Грековъ и у насъ могли явиться въ печати и при этомъ болѣе или менѣе разрозниться между собой только эти, ставшія общими всѣмъ церквамъ, службы монастырскія.

Въ древнѣйшее время монастырскія службы были весьма разнообразны: извѣстный Іоаннъ Кассіанъ, монахъ и игуменъ Марсельскій († послѣ 432-го года), говоритъ, что заутреня въ монастыряхъ было въ его время почти столько же много, сколько было самыхъ монастырей и монашескихъ келій¹⁾. Въ уставной записи Студійскаго монастыря говорится о разнообразіи монастырскихъ службъ, что „многія и различныя утвердились въ честныхъ монастыряхъ отъ древнихъ временъ преданія“²⁾. Съ теченіемъ времени относительно монастырскихъ службъ случилось то же, что относительно литургій, — вошли въ общее употребленіе уставы этихъ службъ, принадлежавшія двумъ знаменитымъ монастырямъ: Палестинскому Саввы Освященнаго и сейчасъ помянутому Студійскому Константинопольскому. А потомъ наконецъ сталъ общимъ уставомъ одинъ только уставъ, именно—первый, Саввы Освященнаго³⁾. Но какъ въ литургіяхъ Василя Великаго и Іоанна Златоустаго, принятыхъ въ общее употребленіе, явилось собственное болѣе или мѣншее разнообразіе, такъ это же самое случилось и съ принятыми въ общее употребленіе службами монастырей Саввина и Студійскаго. Извѣстно свидѣтельство объ этомъ Никона Черногорца, читаемое въ его Тактиконѣ⁴⁾; о томъ же свидѣлствуютъ и наши славянскія рукописи⁵⁾.

¹⁾ Tot prope modum typos ac regulas vidimus usurpatas, quod monasteria cellaque conspeximus, см. у *Виттима* въ Origines, vol. V, p. 335.

²⁾ См. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов., стр. 671 стр...

³⁾ Уставъ Саввы Освященнаго сталъ господствующимъ на востокѣ Греціи, уставъ Студійскій—на западѣ; а затѣмъ и на западѣ Греціи былъ принятъ первый уставъ, по словамъ Сумеона Солунскаго (см. нашей Исторіи русской церкви т. I, втор. полов. стр. 303 sqq), въ первой половинѣ XIII вѣка. У насъ въ Россіи первоначальный Студійскій уставъ, введенный преп. Феодосіемъ Печерскимъ, началъ смѣняться Іерусалимскимъ уставомъ съ послѣдней четверти XIV вѣка, со времени митр. Кипріяна.

⁴⁾ „Различны типики Студійскія же и Іерусалимскія прочтохъ и собрахъ, и не согласихася единъ ко другому, ниже Студійскій со друзъмъ Студійскимъ, ни Іерусалимскій со другимъ Іерусалимскимъ“, предисл. л. 11, тоже въ словѣ 6-мъ, л. 44 об.

⁵⁾ См. въ Описаніи синодальныхъ рукописей *Горск. и Невостр.* съ № 380-го.

Изъ сказаннаго ясно, какимъ образомъ при введеніи единообразія въ богослужебныхъ книгахъ Греками и нами—Русскими отдѣльно и независимо одними отъ другихъ могло случиться, чтобы наше русское единообразіе оказалось нѣсколько отличнымъ отъ единообразія греческаго или нѣсколько разнымъ съ нимъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами слѣдуютъ вотъ какія заключенія:

никто никогда не повреждалъ чистоты православія у позднѣйшихъ Грековъ и они постоянно сохраняли, какъ и до сихъ поръ сохраняютъ, его во всей его неприкосновенной цѣлости;

если между Греками и нами—Русскими произошло нѣкоторое разрозненіе въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и въ богослужебныхъ книгахъ: то причину сего составляло не отступленіе позднѣйшихъ Грековъ отъ чистаго православія древнихъ Грековъ, чего вовсе не было, а нѣчто совершенно другое и имѣющее совершенно другой смыслъ;

исправленіе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, предпринятое патр. Никономъ и состоявшее въ томъ, чтобы въ отношеніи къ обрядамъ и обычаямъ церковнымъ и къ богослужебнымъ книгамъ привести насъ въ согласіе съ современными ему—патріарху Греками, было дѣломъ вполне благословнымъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

О причинѣ раскола стр. 3—5.

О несправедливомъ утвѣжденіи дониконовскихъ нашихъ предковъ, а вслѣдъ за ними и старообрядцевъ, будто позднѣйшіе Греки отступили отъ чистоты православія древнихъ Грековъ и допустили у себя еретическія и погрѣшительныя новшества, стр. 6—28.

О несправедливомъ приравниваніи дониконовскими предками нашими, а послѣ нихъ и старообрядцами, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры, стр. 28—41.

О происхожденіи и дѣйствительномъ значеніи разности между нашими дониконовскими и греческими богослужбными книгами, стр. 41—48.

Выводы изъ всего сказаннаго, стр. 49.

СТАРООБРЯДЦЫ.

Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами **Е. Е. Голубинскаго**. (Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1896 г., кн. I, томъ 176-й).

Москва, въ Университетской типографіи 1896 г., 8°, стр. 49.